Магия на каждый день

Автор:
Арина Холина

Магия на каждый день

Арина Холина

Две сестры из старинной колдовской фамилии Лемм решили, что не хотят жить, как их родственницы: носить черные платья от «Шанель», ездить в черном «Бентли» и запивать черную икру шампанским «Кристалл». Они решились на отчаянный шаг – стать как все. Девушки покинули старинный особняк под Москвой и перебрались в съемную квартиру на Тверской. Но, как выяснилось, реальная жизнь – это не только сплошные вечеринки и праздники, но и крупные неприятности, которые грозят наивным ведьмам по самой тривиальной причине – они выбрали не тех мужчин. Девушки столкнулись с чем-то более зловещим и ужасным, чем их собственные родственницы, но выпутываться им теперь придется в одиночку…

Арина Холина

Магия на каждый день

Глава 1

Дом, покрытый мраком

– Кто, блин, выкрал мой вибратор? – откуда-то сверху послышался недовольный женский голос.

– Зачем он тебе нужен? – закричали снизу. – Можно подумать, ты им пользуешься!

– Тебе есть дело? – возмутился первый голос.

– Ты все-таки моя внучка! И, между прочим, это я тебе его подарила!

– С какой, интересно, целью?

– Не с целью, а с намеком!

– Бабушка – ты воплощение Зла!

– Милая, ты, как всегда, права! Ладно, я его взяла! У нас миксер сломался!

Тучная пожилая женщина, укутанная в серую шаль, остановилась у калитки, поставила на землю хозяйственную сумку, перевела дыхание и с неодобрением посмотрела на Дом, из которого доносился непристойный диалог. Вообще-то, Дома почти не было видно – за деревьями угадывались лишь мансарда и небольшой кусок стены.

Женщина фыркнула – ей не нравилось, когда обитатели скрывались от любопытных глаз прохожих. Приятно ведь: идешь, смотришь на особняки, на цветочки там всякие, на машины… А здесь только сосны, липы, яблони, рябины и кустарник. Женщина знала: с другой стороны Дома находится газон, на котором стоят качели, шезлонги, беседка и совсем нет ни огородика, ни цветочков – ни хризантем, ни гладиолусов, ни лилий, ничего-ничего! – только разросшиеся кусты шиповника, сирени да кипарис. Да еще гараж, ворота которого выходят на противоположную улицу.

Женщина опять фыркнула – с еще большим высокомерием – и отворила наконец калитку.

Ее звали Зинаида Максимовна – она покупала продукты и убирала в Доме по вторникам и четвергам. А еще каждое утро она заносила свежее молоко (только «Можайское» в бутылках), горячие булочки, овощи, яйца и творог. Огурцы-помидоры Зинаида Максимовна выращивала сама, яйца брала у соседки и

презирала людей, которые аж на двадцати сотках не могут вырастить хотя бы петрушку.

– Ну, вот еще! – возмутилась хозяйка, когда Зинаида намекнула насчет петрушки. – Я ее даже не ем, петрушку вашу! Чтобы я стояла попой кверху и ковыряла ногтями, – она помахала в воздухе длинными ногтями с тонким узором и стразами, – грязную землю со всякими там червяками, только чтобы сэкономить десять рублей? Ха-ха-ха!

Но Зинаиде Максимовне хорошо платили, и она сдерживала негодование до встречи с соседкой (той, что продавала яйца), и тогда уж они от души чихвостили странных, если не сказать подозрительных, хозяек дома, где работала Зинаида Максимовна, которые – ну где это видано?! – не могли даже сами в магазин сходить. «Она ж носит шпильки в десять сантиметров, куда уж ей на них до магазина добраться», – хоть и ехидно, но все-таки завистливо комментировала соседка.

Зинаида Максимовна проковыляла по выложенной камнями дорожке и выбралась к старому кирпичному особняку с огромными, в пол, окнами. С красно-оранжевой черепичной крыши на землю спускался плющ, скрывая потрескавшуюся штукатурку цвета слоновой кости и обвивая широкие деревянные лакированные рамы.

Зинаида Максимовна потянула широкую застекленную дверь, которая скрипела так, что хотелось зажать уши руками (лучше всякой сигнализации!), просунула внутрь сначала голову, зачем-то принюхалась и только после этого осторожно, бочком зашла в дом.

– Зина! – слева послышался звонкий голос старшей хозяйки, Амалии. – Иди сюда!

Зинаида Максимовна не отозвалась: она сняла туфли и надела войлочные тапочки, которые принесла с собой. Так она протестовала против безобразия, что здесь творилось, – по Дому ходили прямо в обуви или босиком.

Шлепая безразмерными тапками, Зинаида Максимовна прошла в кухню. В дальней части просторной комнаты располагалась собственно кухня: лакированные дубовые шкафы поднимались до потолка, вся стена между ними и столом была увешана медными и латунными кастрюлями, а широченная стойка с

ящиками и полочками служила разделочным столом и отгораживала кухню от столовой.

Столовая была и гостиной: на двадцати пяти метрах устроились длинный стол из широких досок, диваны, кресла, этажерки, горка с хрусталем, полочка с книжками, а стены сплошь были завешаны фотографиями, картинками, расписными тарелками, поделками из керамики и прочей ерундой.

– Зина! Доброе утро! – весело приветствовала Амалия, вставая с дивана.

Она выхватила у домработницы сумку, открыла ее, сунула туда нос и с наслаждением вдохнула.

– Как пахнет! – восторженно заявила она, унесла добычу на кухонную половину и принялась выкладывать булочки на красивое старинное блюдо.

Зинаида Максимовна недовольно косилась на нее: женщина была одета в черный бархатный халат с легкомысленным декольте, русые волосы уложены в свободный пучок, из которого во все стороны торчали пряди, в руке с покрытыми черным лаком ногтями дымилась сигарета, втиснутая в мундштук из золота с гранатами, а на ногах были босоножки на высоких каблуках. Навскидку женщине можно было дать лет около пятидесяти. Приглядевшись, можно было бы сказать, что пятьдесят ей уже стукнуло, и с восхищением добавить, что для своего возраста она потрясающе выглядит. Но Зинаида Максимовна точно знала, что Амалии недавно исполнилось шестьдесят пять. И, надо же, ни живота, ни пигментных пятен, и даже грудь осталась на месте! Да еще она носит кружевное белье – это в ее-то годы! Сама Зинаида Максимовна давно уже перешла на прочное трикотажное бельишко, надевала хлопчатобумажные толстые колготы, а одежду покупала по возрасту – то есть серо-буро-малиновые вязаные кардиганы, фланелевые платья «без затей» и ортопедические туфли – для удобства мозолей.

– Зинаида! – воскликнула Амалия, насыпав в джезву кофе. – Ты себя губишь!

– Так уж прям… – откликнулась Зинаида Максимовна, открывая дверцу холодильника.

– Да-да-да! – настаивала Амалия. – Аглая! – закричала она. – Ну, скажи, что Зина себя губит!

В гостиную вошла заспанная женщина лет сорока пяти. Женщина отличалась невероятной, просто завораживающей красотой: прямой нос с острыми, узкими ноздрями был чуть длиннее необходимого, но это, как ни странно, ее лишь украшало, выразительные карие миндалевидные глаза, чувственные, идеальной формы губы, высокие скулы, широкая челюсть и пышные, невозможно пышные волосы ниже лопаток – темно-коричневые, почти черные. Выделялись высокая грудь и стройные ноги (по мнению Зинаиды Максимовны, слишком голые – черное кимоно было очень уж коротким).

Невестка Зинаиды Максимовны, Лидочка, никогда бы не надела такое кимоно. Правда, Лидочка при росте метр шестьдесят пять весила семьдесят кило – располнела после родов, да так за двадцать лет и не сбросила вес. Лидочка носила бежевые просторные брюки, широкие белые футболки, длинные бежевые свитера с большим горлом и уютные домашние тапки-кролики. Лидочка бы никогда не стала ходить по дому разодетая, как проститутка, да еще и краситься прямо с утра, как Амалия.

– Чего вот ты разукрасилась? – как-то раз спросила Зина Амалию, с которой иногда позволяла себе фамильярничать на правах подруги детства. – Кто тебя утром видит-то?

– Понимаешь, – сказала тогда Амалия. – Я вот подхожу к зеркалу, смотрю, какая я красивая, и прямо дух захватывает! Такое упоение…

Зинаида тогда хмыкнула, но так и не поняла – всерьез Амалия говорила или, как обычно, ерничала.

Вошедшая в комнату Аглая уставилась на Зинаиду Максимовну так, словно видела первый раз или словно ей надо было точно знать, не ее ли, Зинаиду, она видела выбегающей из банка с автоматом Макарова и ручной гранатой.

– Губит! – в конце концов отрезала Аглая и протянула матери изящную фарфоровую кружку.

Амалия разлила по чашкам кофе, разбавила молоком, поставила на стол булочки, масло, апельсиновый джем, выложила в массивную серебряную конфетницу шоколад, помадку и орешки кешью.

– Сейчас девочки спустятся, – сообщила она. – Зина, выпьешь с нами кофе?

Как обычно, сердце замерло в груди у практичной и рассудительной Зинаиды Максимовны.

«И чего ты туда шляешься?» – с хорошо скрываемой ревностью вопрошала соседка, Дарья Евгеньевна, – та, что с яйцами. Зинаида отвечала ей, что лишние деньги никому не мешают, но, понятно, дело было не в деньгах. Сын Зинаиды Максимовны хорошо зарабатывал. У них просторный современный дом, две машины на семью, лето проводят в Турции, Греции или на Кипре, а Зинаида Максимовна каждый год в июне ездит в Крым. Одним словом, в деньгах она не нуждалась. По официальной версии, Зинаиде Максимовне скучно было сидеть дома – внук подрос, дети весь день работают. Но на самом деле она просто-напросто очень хотела попасть в Дом. Каждый раз в течение того года, когда ушла прежняя домработница и Зинаида напросилась к Амалии, она шла в Дом со смешанным чувством тревоги, страха, неприязни и удивления, трепета, восхищения.

Она до сих пор помнила, как пятьдесят пять лет назад к Дому, в котором лет двадцать никто не жил, подъехал черный «ЗИЛ» – длинный, блестящий, красивый до невозможности, из него вышел шофер в черном костюме, распахнул дверцу и помог выйти даме в длинном черном кружевном платье и огромной черной шляпе. За дамой выскочила девочка лет десяти – в черных лаковых туфельках, в черном бархатном берете с пайетками и в черной же юбке из тафты с пышной подкладкой.

Девочка осмотрела улицу большими карими глазами, уставилась на Зину, на которой были резиновые калоши и зеленый ситцевый сарафан в цветочек, скорчила рожицу и пробормотала что-то на французском. Это была Амалия, которая вместе с матерью вернулась из-за границы.

Где-то через полгода к ним присоединилась тетка Амалии – высокая, грациозная дама лет тридцати с девочкой – ровесницей Амалии и Зинаиды. Жили они закрыто, таинственно и, видимо, богато: к Дому то и дело подъезжали

представительные «Чайки», «ЗИЛы», «Мерседесы», «Форды» и «Кадиллаки». Из машины вылезали закутанные в меха дамочки, мужчины в сшитых на заказ пальто – роскошная публика, которая, по мнению Зины, благоухала богатством и успехом.

В местную школу Амалия не ходила – ее возили в Москву, но Зиночка все-таки подружилась и с ней, и с ее сестрой. Впрочем, вряд ли это можно было назвать дружбой, но они брали ее с собой на прогулки – Зина носила корзинку для пикника, – приглашали пить чай в беседку, дарили старые вещи – восхитительные вещи, пахнувшие французскими духами.

Всю жизнь Зина не могла их понять, всю жизнь она, как и остальные жители городка, билась над загадкой – кто же они такие? Амалия говорила, что у нее «дело» – косметика или что-то в этом духе, но меньше всего она походила на деловую женщину.

В двадцать лет Амалия родила дочку – Аглаю, а спустя месяц ее двоюродная сестра произвела на свет девочку, Анну, и пропала. Зина как-то раз поинтересовалась, куда делась непутевая мамаша, но Амалия так на нее посмотрела, что охота задавать вопросы исчезла без следа.

Была еще одна странность: в Доме никогда не было мужчин. Местные сплетницы переживали: ведь не может такое быть, чтобы ни у одной из женщин Лемм не было мужа. Пусть бы хоть какие-нибудь, пусть бы самые невзрачные были, или, наоборот, один, но такой, что стоит десятка, мужчина должен был объявиться. Но хотя за Амалией, а потом и за Аглаей, и за ее сестрой Анной часто заезжали пижоны на дорогих машинах, в дорогих костюмах и, наверное, увозили их в какие-то шикарные рестораны, о которых Зина и понятия не имела, ни один мужчина не находился в Доме больше часа.

– Может, у них там притон? – веселилась подруга Зины, Маруся. – А что, очень удобно – загородный дом, полная секретность…

Притон – это, конечно, была удобная идея, которая все объясняла. Но предположить, что в Доме находится бордель, для Зины было равносильно тому, чтобы признать, будто Гагарин не летал в космос.

В маленьком городке, население которого можно запросто усадить на большом футбольном стадионе, о Доме сплетничали больше, чем об Алле Пугачевой. Слухи ходили самые противоречивые и фантастические, но Зинаида сердцем чувствовала – что бы ни говорили, все неправда. Только раз, когда одна заядлая сплетница в сердцах бросила вслед Амалии: «У-у… ведьма!», у Зинаиды что-то екнуло, как будто прорвалась какая-то мысль, но тут же исчезла…

– Зина, почему ты делаешь эту омерзительную химию? – отчитала ее Амалия. – У тебя ведь голова похожа на веник!

Зинаида Максимовна очнулась и пододвинула к себе чашку с кофе, от которого пахло так, что кружилась голова. Амалия всегда делала ей замечания и уговаривала попробовать какой-то там новый крем, который сама придумала, но Зина отказывалась, страшась разочарования.

Все женщины в Доме с утра выглядели так, словно отлично выспались после ночи бурного секса, приняли ванну Клеопатры, тщательно уложили волосы и надели халаты, которые стоили больше, чем весь гардероб самой Зинаиды Максимовны, ее сына Сережи и его жены Лидочки. От них пахло коктейлем из ароматных гелей, кремов, духов и еще разными травами, запахом которых был наполнен весь Дом, – мята, прополис, липа, корица, пачули, иланг-иланг…. Все это было так необычно, все создавало настолько противоречивую, одновременно возбуждающую и расслабляющую обстановку, что, казалось, в дом заходила одна Зинаида Максимовна, а выходила совсем другая – непривычная и особенная. И особенной Зинаиде очень не хотелось думать, что Амалия, возможно, всего лишь предприимчивая дамочка, торгующая заурядной косметикой в дешевых пластмассовых банках – такой, какую покупает сама Зинаида Максимовна, когда вспоминает, что она все-таки женщина.

– Доброго вам утра, – поздоровалась Настя. – Ой! – Девушка споткнулась и налетела на столик с серебряной вазой.

Аглая с Амалией так на нее посмотрели, словно она громко пукнула, и тревожно переглянулись.

– С ней так уже неделю… – нахмурившись, сообщила Амалия Зинаиде.

– Это просто невыносимо! – пожаловалась Аглая.

– Глаша, с ней творится что-то неладное, – заметила Амалия.

– Тетя! Бабушка! – воскликнула Настя. – Я здесь! Вы меня, наверное, не заметили! О чем разговор? Не обо мне, надеюсь?

– С такой любовью – только обо мне, – за спиной у Насти послышался хрипловатый голос.

Саша, дочь Аглаи, отодвинула кузину, схватила со стола булку и плюхнулась на диван, вытянув ноги.

– Я не понимаю, к вам что, подростковый возраст вернулся? – съязвила Аглая. – Гормоны шалят? Хотите доказать бесчувственным взрослым, что вы тоже имеете право пить пиво, курить и носить лифчик?

– По крайней мере, мы не встречаемся с мужчинами младше нас на двадцать лет! – отрезала Саша.

– Да ты обнаглела! – крикнула Аглая. – Конечно, ты ведь встречаешься с мужчинами на двадцать пять лет старше. – Умная, наверное, стала! Поиски утраченного отца, да?

– Вы чего тут орете? – зевая, полюбопытствовала взлохмаченная женщина, облокотившаяся на дверной косяк.

На ней был черный шифоновый пеньюар, отороченный гагачьим пухом.

– Ма-а-ма… – простонала Настя. – Ты выглядишь, как падшая женщина…

– Зато ты выглядишь, как монашка! – отрезала Анна. – И вообще, какого черта я должна выслушивать хамство от собственной дочери?!

– Да с того, что ты, моя мать, похожа на девочку по вызову!

И тут понеслось…

– Да вы все чего, охренели?! – заорала Саша.

– Ненавижу вас всех! – вопила Настя.

– Неблагодарные мерзавки! – кричала Аглая.

– Немедленно уезжаю из этого дома! – топала ногами Анна.

– Как вы все мне надоели! – в сердцах взывала Амалия.

Перепуганная Зинаида Максимовна переводила взгляд с одной женщины на другую, помешивая сахар в чашке, а когда наконец сообразила, что уже минут десять стучит по хрупкому фарфору, вынула серебряную ложечку, хотела положить на блюдце, но от растерянности промахнулась, и ложка со звоном упала на пол.

Пять женщин замолчали и обернулись к Зинаиде Максимовне.

– Ну, достаточно, – Амалия хлопнула в ладоши. – Зина, закрой рот. – Амалия подошла к домработнице, облокотилась на стол и улыбнулась. – Мы раз в неделю выпускаем пар – устраиваем безобразную сцену и говорим друг другу все гадости, которые накопились за семь дней. Когда делаешь это нарочно, то обижаться вроде как не на что. Понимаешь?

Зинаида Максимовна не понимала. Обижаться она привыкла основательно, глубоко, долго потом припоминала обидчику его недостойное поведение, а чтобы вот так нарочно ругаться… Это было выше ее разумения. Но так как в гостиной восстановилась дружелюбная атмосфера, Зинаида подняла ложку, которую у нее тут же выхватила Анна и швырнула в раковину. Промахнулась, ложка опять зазвенела по полу. Зина подвинула к себе остывший кофе, но Амалия тут же его вылила и скоро подала новый – горячий и терпкий, пахнущий орехами.

– Зин, в конце концов, давай я тебе подарю маску для волос и для лица! – Амалия стукнула чашкой о блюдце. – Сколько можно ходить как пудель?

– Зинаидочка Максимовна, ну, пожалуйста! – заканючила Аглая. – Пожалуйста-пожалуйста-пожалуйста!

– Да, Зинаида Максимовна, вы хотя бы попробуйте, – посоветовала Настя.

– Зинаида Максимовна, и ведь правда – у вас уже внук взрослый, самое время пожить для себя, – попыталась убедить ее Саша.

Потупив глаза, Зинаида согласилась принять крем. Амалия тут же вскочила и притащила из кладовой две баночки из толстого дымчатого стекла с фарфоровыми крышками и такую же бутылочку. На них были кремовые этикетки с золотым тиснением, где стояло имя Амалии – «Амалия Лемм» – и были описаны свойства каждого косметического средства.

Девушки покончили с кофе раньше всех и тут же куда-то исчезли – то ли пошли гулять, то ли отправились в Москву, по магазинам.

Зинаида Максимовна перемыла посуду, убрала со стола и забрала стирать шторы – тончайший шифон с набивным рисунком, доставшийся Амалии от матери.

Анна с Аглаей ушли на задний двор ловить последнее, все еще теплое сентябрьское солнышко, Амалия спустилась в подвал, а Зинаида, перед тем как выйти из дома, зачем-то перекрестилась и тяжело вздохнула.

Глава 2

Тот еще крем

Прежде чем вернуться домой, Зинаида Максимовна зашла в магазин, обсудила небывалый урожай яблок с продавщицей из хозяйственного, заглянула на рынок, где ничего не купила, и направилась к своему дому длинной дорогой – и все ради того, чтобы оттянуть момент, когда она попробует подаренную косметику. Вообще-то, ей больше всего на свете хотелось побыстрее отвинтить с нее крышечки, но отчего-то Зинаида никак не могла набраться решимости:

нарезала круги, любовалась незрелыми яблоками у соседей, вспоминала, что не спросила в аптеке насчет массажера-бабочки, которым интересовалась Лида, и чуть было даже не собралась вернуться в центр городка. Но все ж одумалась и наконец открыла калитку родного Дома.

В прихожей Зинаида бросила сумки, сдернула блузку и бросилась в ванную, где немедленно вскрыла бутылочку с шампунем. В нос ударил запах свежего коровьего молока и липовой пади. Каждый запах существовал отдельно от другого – любой можно было различить, но в то же время они складывались в единый, сильный и пряный аромат.

Зинаида включила воду, намочила голову и вылила на макушку немного шампуня. Кожу приятно освежила мята, а по затылку вдруг разлилась такая дивная легкость, что Зина чуть было без причины не рассмеялась. Смыв шампунь, она вскрыла баночку с бальзамом, и теперь чудесный запах земляники и ромашки разбежался по ванной. Втирая крем в волосы, Зинаида могла поклясться, что буквально чувствует, как он мгновенно впитывается, отчего ее жесткая шевелюра делается нежной и послушной. Женщина закрыла глаза и словно перенеслась в лес, на солнечную поляну, где алела земляника – настоящая, лесная, пахнущая травой, землей и солнцем.

С трудом вернувшись в действительность, Зинаида Максимовна смыла бальзам, обернула голову полотенцем и открыла последнюю склянку – с кремом для лица. Запах ее разочаровал: она ожидала чего-то особенно приятного, а из баночки пахнуло скользкими морскими водорослями и сырой осенней листвой. С недоверием подцепив крем на палец, женщина плюхнула его на лицо и без воодушевления принялась втирать в щеки.

На полпути она остановилась, поставила банку на стиральную машину и уткнулась носом в зеркало. Пористая, с серым оттенком, с сизыми ниточками сосудов кожа Зинаиды Максимовны на глазах менялась. Сосуды начисто пропали, поры затянулись, а цвет… цвет кожи стал ярким, телесным, без малейшей бледности и серости – ровный, насыщенный и здоровый! Щеки словно подтянулись, одутловатость под глазами пропала, а в них появился блеск, сияние какое-то.

Зинаида Максимовна быстро нанесла крем на все лицо, на шею и сорвала с головы полотенце.

– Мамочки! – воскликнула она, снова глядя на себя в зеркало.

Химия ее развилась, пошлый рыжий отлив исчез – короткие, чуть ниже ушей, волосы Зинаиды Максимовны выглядели так, словно ей вновь пятнадцать. Пышные каштановые, а главное, естественные кудри лежали крупными буклями, в которых даже при самом пристальном рассмотрении не обнаружилось седины.

– Боже ж ты мой… – тихо простонала Зинаида Максимовна. – Что ж делается то? Ну, Амалия… Волшебница!

Зинаида Максимовна бросилась в спальню сына и невестки и обрадовалась, обнаружив на туалетном столике кое-какую косметику. Подвела глаза, прошлась по лицу прозрачной пудрой, подкрасила губы. Перерыв гардероб Лиды, выудила вполне уместные для своего возраста джинсы, облегающий белый пуловер, которой Лиде подарила подруга и который невестка так ни разу и не надела. Переоделась, высушила волосы и обнаружила в зеркале привлекательную женщину неопределенного возраста.

– Мама, ты дома? – позвал Зинаиду Максимовну сын, вернувшись с работы. А увидев ее, выронил из рук портфель с ноутбуком.

Лидочка подпрыгивала у него за спиной, силясь разглядеть, что же такое произошло.

– Зинаида Максимовна… – прошептала она, отодвинув наконец мужа в сторону и тоже увидев свекровь.

– Ничего, что я взяла твои вещи? – спросила Зинаида. – Ты все равно их не носишь.

Лидочка переглянулась с мужем, бросила взгляд в зеркало, отразившее синие слаксы, черные мокасины и просторную бежевую ветровку чуть выше колена, и опять уставилась на мать своего мужа, которая сейчас едва ли выглядела старше ее, сорокатрехлетней женщины.

– Давайте как-нибудь сходим в ресторан? – предложила Зинаида Максимовна. – Ужас как надоело готовить!

* * *

В три часа пополудни к Дому подъехал ярко-синий «Мерседес»-купе. Дом имел два входа: один – парадный, для новичков, и второй – для постоянных гостей, оставлявших машину в гараже. Гараж на четыре места выходил на параллельную улицу и находился не внутри ограждения, а как бы за ним – чтобы не портить сад.

Из «Мерседеса» вышла женщина в огромных черных очках, в платке, намотанном на голове, и в глухом черном плаще.

Нервно оглянувшись по сторонам, женщина позвонила в звонок и вернулась обратно в машину. Скоро ворота гаража поднялись, машина заехала внутрь, а женщина вышла в сад и прошла через заднюю дверь в Дом.

– Добрый день, Лерочка, заходите, – пригласила Амалия.

– Вы одна? – спросила женщина.

– Уверяю вас, нам никто не помешает, – успокоила ее хозяйка. – Но если вам так удобнее – разденьтесь у меня в кабинете.

Гостья кивнула и прошла за Амалией в большую комнату с окнами, занавешенными зеленым тюлем и зелеными же бархатными портьерами. В кабинете стояли старинное трюмо, инкрустированное тончайшей работы цветами, секретер из карельской березы, полки с книгами в старинных кожаных переплетах, длинный низкий стол, а вокруг него кресла, двухместные диваны, пуфики, стулья – сиденья на любой вкус.

– Выбирайте, где вам будет удобнее, – пригласила Амалия.

Лера сняла плащ, сорвала с головы платок и устроилась на стуле с подлокотниками.

После короткой паузы Амалия произнесла:

– Я очень уважаю ваш талант. Вы замечательная певица. Рада принимать вас у себя.

Женщина вздохнула и сняла очки.

– Это же строго конфиденциально? – поинтересовалась она.

– Только если вы сами никому не скажете, – усмехнулась Амалия.

– Конечно, мне нечего стыдиться, просто не хотелось бы, чтобы обо мне лишний раз трепались… – пояснила гостья. – Э… понимаете… – Она задумалась. – В общем, я не могу себе позволить выглядеть на свой возраст. Все-таки сцена, поклонники… А пластические операции делать не хочется, потому что… В общем, мне рассказали о вас, ну и… Говорят, вы просто творите чудеса!

И она посмотрела на Амалию так, словно ни в какие такие чудеса не верила, но очень хотела, чтобы хозяйка ее разубедила.

– Вы уверены, что удобно сидите? – спросила Амалия.

– Вполне, – кивнула Лера.

– По-моему, вам лучше пересесть вон туда. – Амалия кивнула в сторону низкого кресла с широкой спинкой, расположенной под углом к сиденью.

– Не стоит, мне и здесь вполне… – отнекивалась Лера.

– Тогда я настоятельно прошу вас пересесть. – Амалия встала и прошла к шкафу со стеклянными дверцами.

Лера пожала плечами и перебралась в кресло.

– Ой! – воскликнула она. – А вы были правы! Здесь намного удобнее.

Амалия тем временем налила в крошечный флакончик жидкость с резким лимонным запахом, выставила на стол множество пузырьков и из каждого

добавила во флакон по несколько капель ароматических масел.

– Так… – произнесла она, подойдя с готовой смесью к Лере. – Снимите туфли, положите руки на подлокотники, закройте глаза и постарайтесь ни о чем не думать.

Амалия смазала руки коктейлем из ароматных настоек, подошла к гостье сзади и легко провела ладонями по ее лбу.

– Ой… – простонала Лера. – Как хорошо…

Массаж длился минут двадцать, Лера заснула, не дождавшись окончания сеанса. Завершив свои манипуляции, Амалия укрыла ее пледом и вышла из комнаты. Через час певица наконец открыла глаза, с удивлением осмотрелась, словно не понимая, где находится, но тут в комнату вошла Амалия с подносом, на котором дымился чайник.

– Выпейте, – предложила она гостье. – Это бодрит.

– Слушайте, – прямо-таки с подобострастием сказала Лера, поднося ко рту чашку. – Я так отлично не отдыхала уже лет пять.

– В том-то вся и беда, – кивнула Амалия. – Давайте договоримся – вы работаете, а я думаю о том, как сделать вас красивой. С этой минуты все заботы о вашей внешности ложатся на мои плечи. Договорились?

– Ну… – промямлила Лера.

– Вставайте! – велела Амалия. – Берите чашку и идите сюда! – Она указала на трюмо.

Лера послушно устроилась на низком стульчике с необычайно мягким, удобным сиденьем.

– Значит, так, – начала Амалия. – Вы хотите иметь кожу, как в двадцать лет, здоровые пышные волосы и упругое тело?

– Да после родов у меня растяжки, и никакой лазер не помогает… – засуетилась было Лера, но Амалия приложила палец к губам.

Хозяйка взяла небольшую баночку с кремом и показала гостье.

– Это образец, – сообщила она. – Закрывайте глаза.

Крем был прохладный, пах карамелью и черникой – от него кожу покалывало, но было приятно. Потом Лера почувствовала, как Амалия втирает в кожу вокруг глаз что-то очень легкое, как взбитые сливки.

– Смотрите!

Лера открыла глаза и чуть не свалилась со стула.

На нее смотрела молодая – очень молодая! – женщина с восхитительной, персиковой, румяной и бархатистой кожей, без всяких морщин под глазами, без усталых складочек возле губ. О, молодость, молодость!

– Черт побери! – радостно воскликнула она.

– Попробуйте еще это, – Амалия протянула ей бутылочку со спреем. – Втирайте в свои растяжки.

Лера сорвала майку, брызнула средством и растерла по груди.

– О! О! – Она почти задыхалась от восторга. – Этого не может быть!

Растяжки, которые не проходили ни от лазера, ни от невероятно дорогих кремов, на глазах исчезали! Кожа разглаживалась, пропадала дряблость, которую до сих пор невозможно было ни сделать упругой ежедневными упражнениями в спортзале, массажем и кремами, ни скрыть пудрами.

Амалия вырвала у Леры крем, схватила за руку, усадила на жесткий диван с прямой спинкой и, глядя той прямо с глаза, строго сказала:

– Слушайте меня внимательно. То, что вы сейчас попробовали, обладает очень сильным действием. Если желаете, я продам вам банку, – при этих словах Лера энергично закивала, но Амалия бросила на нее такой взгляд, что гостья сжалась. – Я продам вам банку, но не больше. Для того, чтобы эффект был не только косметический, но и терапевтический – то есть если вы хотите навсегда, я повторяю: на-все-гда, избавиться от морщин и никогда больше не задумываться о пластических операциях, я предлагаю массаж в течение трех месяцев, особые маски, которые я никогда никому не продаю, – их можно попробовать только здесь, и особую диету на основе трав и чаев.

– Я согласна! – воскликнула Лера.

– Вы отдаете себе отчет… вас не шокирует стоимость моих услуг?

– В каком смысле? – насторожилась Лера.

– В прямом, – отрезала Амалия. – Вот. – Она протянула Лере кожаную папку, которая открывалась наподобие меню. – Вот эта страница. – Она ткнула пальцем в кремовый глянцевый лист бумаги. – Кстати, учтите, что с моими средствами, в отличие от пластической хирургии, у вас не будет ни отеков, ни синяков, а эффект – на всю жизнь.

– Двести пятьдесят тысяч долларов? – ахнула Лера и даже отшатнулась от Амалии.

– Без учета стоимости крема. Он стоит восемьдесят пять тысяч рублей, – Амалия кивнула на баночку на трюмо. – Но после его воздействия первые возрастные изменения произойдут у вас лет в шестьдесят, – спокойно продолжила Амалия. – Разумеется, ни пигментных пятен, ни глубоких морщин, ни провисшей кожи не появится, но все-таки вы заметите кое-какие приметы возраста. Конечно, вы можете каждый год летать в Америку на подтяжки, что обойдется вам в сто двадцать тысяч за каждый раз, но учтите: с возрастом наркоз переносится хуже. Вы творческая женщина, и… дело, конечно, ваше. Вы должны мне верить. Если не верите, я не стану уговаривать.

Лера опустила голову и задумалась.

– Я вас оставлю, – сказала Амалия. – Если решите уйти, кнопка, открывающая ворота гаража, слева от входа.

Когда через час Амалия вернулась в кабинет, Лера допивала чай.

– Я согласна! – воскликнула она, едва завидев вошедшую.

– Замечательно, – кивнула Амалия. – Деньги переведете вот сюда… – Она протянула гостье бумагу с реквизитами банка. – А это вам сувенир. – Хозяйка Дома улыбнулась и поставила на стол флакон со спреем от растяжек.

– Спасибо! – Лера схватила пузырек и прижала к сердцу. – Большое спасибо!

Амалия посмотрела ей вслед, усмехнулась, собрала с туалетного столика баночки, ватные тампоны и пузырьки на поднос и вынесла из комнаты. Спустившись по широкой удобной лестнице в подвал, включила свет и оглядела просторное помещение с каменными стенами, посреди которого располагался огромный деревянный стол, заставленный пиалами из тончайшего фарфора, грубыми керамическими мисками, тяжелыми латунными ступками, кувшинами из тяжелого темного серебра, банками с травами, с водорослями, с корнями непонятных растений, заспиртованными в мутных растворах…

С кожаного дивана спрыгнул большой черный кот, лениво подошел к хозяйке и потерся блестящим боком о ее ногу.

– Ну, что, Зевс, поколдуем немножко? – спросила Амалия у кота, на что тот радостно замурлыкал.

– Мам! – раздался громкий, на весь дом, голос Аглаи. – Не шуми сильно, ко мне гости!

Аглая с грохотом захлопнула дверь в подвал и понеслась открывать дверь полному мужчине в черном пальто, которое ему шили на заказ в Лондоне. Пару минут назад мужчина выбрался из серебристого джипа «Вольво» с государственными номерами, дал указания водителю, уверенно открыл калитку и тяжелой, но решительной походкой прошел по дорожке.

Аглая встретила его в черных брючках-капри, черном кашемировом свитере и черном платке с люрексом.

– Почему вы всегда одеваетесь в черное? – спросил мужчина, снимая пальто.

– Хорошая примета, – Аглая пожала плечами. – Вас это смущает?

– Да нет, – хмыкнул мужчина. – Просто интересно, отчего такая красивая женщина одевается… ну, как бы это сказать… Ваше сердце не разбито? – хихикнул он.

Аглая выразительно подняла одну бровь и сказала с легким, едва уловимым оттенком презрения:

– Дорогой мой Евгений Дмитриевич! Если бы я позволяла себе влюбляться и страдать, в вашем гороскопе было бы непростительное количество ошибок. Так что в ваших интересах не допускать, чтобы мои мысли текли в ином направлении, кроме расположения планет.

Евгений Дмитриевич откашлялся, скрывая смущение – сегодня он собирался пригласить Глашу в ресторан, – и, втянув голову в плечи, как мальчишка, которого отчитала учительница, поплелся за ней. Аглая распахнула тяжелые двери кабинета и впустила посетителя в небольшую светлую комнату, завешанную картами планет, заставленную странными круглыми предметами, заваленную книгами по астрономии и астрологии.

– Вот ваш гороскоп… – Она протянула гостю толстую пачку листков, прошитую, как книга, и в обложке из голубого бархата.

– А чего там, вкратце? – Евгений Дмитриевич присел за столик и налил себе кофе из фарфорового кофейника.

– Евгений Дмитриевич, меня угнетает ваша привычка знакомиться с собственной судьбой по верхам. – Глаша подсела к нему на диванчик, налила себе кофе, а гостю пододвинула вазочку с домашним печеньем. – Пока вы не прочитаете весь гороскоп целиком, я вас не отпущу. Иначе зачем вы мне платите?

– Кстати, – засуетился мужчина, – вот… – И он протянул Аглае конверт.

Аглая заглянула в него, провела пальчиком по купюрам и с удивлением посмотрела на гостя.

– Но здесь три тысячи, – сообщила она. – В два раза больше.

– Это… – раскраснелся Евгений Дмитриевич. – С «Уралнефтью» вы очень верно все сказали в прошлый раз. Я теперь очень богатый человек, – хвастливо добавил он.

– Но вы и были богатым, – заметила Аглая.

– Вы не представляете, сколько у меня теперь денег! – с гордостью воскликнул тот. – Аглая! – Он со страстью посмотрел на женщину и, набравшись смелости, взял ее за руку. – Неужели вы не поедете со мной в Нью-Йорк? Я забронировал столик у Дюкасса…

– Не в этот раз, – улыбнулась Глаша. – Но я обещаю подумать. При одном условии…

– Каком? – оживился посетитель.

– Если вы пройдете курс оздоровления и похудения у моей матери, – заявила Аглая.

Евгений Дмитриевич с удивлением, словно видел впервые, осмотрел собственный живот, удачно скрытый хорошим костюмом, но не ставший от этого меньше, притронулся пальцами к полным розовым щекам и с расстройством уставился на Аглаю. А Глаша в ответ с ухмылкой разглядывала Евгения Дмитриевича – его узкие, заплывшие жирком, хитрые глазки ловкого коммерсанта, влажные красные губы, веселые морщинки у глаз, образовавшиеся от многочисленных увеселений в бане, пухлые ляжки в эксклюзивных брюках и простецкие руки человека, начавшего с самого низа.

– Я готов, – пожал он плечами. – Хоть прямо сейчас.

– Прямо сейчас не выйдет, – улыбнулась Аглая. – Я попрошу маму записать вас. Это будет стоить… – Аглая запнулась на долю секунды и назвала цену в два раза больше обычного: – Двадцать тысяч долларов.

– Отлично! – неизвестно чему обрадовался Евгений Дмитриевич. – Но вы обещаете сходить со мной в ресторан, когда все закончится?

– Клянусь!

Аглая протянула гостю руку, которую тот поцеловал, страстно прижавшись губами к ладони.

– Ну, полно, полно, Евгений Дмитриевич, – свободной рукой Аглая похлопала его по плечу. – Я вас оставлю, а вы ешьте печенье и читайте все очень внимательно. Вам предстоит бурный месяц.

Глава 3

Скелеты в комоде

Двести лет назад в тридцати километрах от современной Праги в небольшом поместье жила некая Милена Лемм. Ее мужу польская фамилия досталась от деда, который женился на чешке и переехал в Йичин, а потом уже перебрался вместе с семьей в местечко недалеко от столицы. Длинный старинный каменный дом не был ни особенно уютным, ни особенно красивым – крупные серые камни стен торчали друг над другом, словно случайно сюда свалились. Напротив дома, всего метрах в пятнадцати, стоял здоровенный амбар, за ним располагалась конюшня – приятности в таком виде не было никакой, зато Лемм очень гордился, что в хозяйстве есть все необходимое.

Но поместье стояло у подножия пологого холма, который от оползней уберегала высокая стена из того же серого камня, что и дом, а широкие каменные ступени вели в бесконечный грушевый сад.

Поместье некогда принадлежало отцу Милены, но тот, в отличие от бережливых деда и прадеда, все доходы спускал на удовольствия, поэтому, скончавшись довольно молодым от удара, оставил дочери и жене в наследство только прохудившуюся крышу, грязную конюшню и запущенный сад. Франтишек Лемм, ставший после смерти помещика старшим управляющим, довольно быстро наладил хозяйство, а вскоре сделал предложение Милене, которая, как говорили сплетники, вышла за него совсем не по любви. Но сплетники заблуждались. Нельзя сказать, чтобы Милена влюбилась во Франтишека – за короткую жизнь отец умудрился избаловать и жену, и дочь: нанимал лучших учителей, покупал модные наряды, приучил семью есть с фарфоровых тарелок и пользоваться серебряными приборами. Но Франтишек был красивый, толковый и энергичный, а Милена, в отличие от капризной и высокомерной матери, – рассудительной и практичной. Она решила, что при нынешнем положении Лемм – превосходный жених, а материальное благополучие важнее снобистских замашек, – и согласилась. Франтишеку же очень хотелось стать настоящим хозяином поместья, которое он искренне полюбил. К тому же Милена была довольно миловидной, и ему нравилось, что у жены завышенные требования – раз она не тратила слишком много денег «на булавки», он готов был мириться с тем, что супруга не желает принимать участия в ведении хозяйства. Так они прожили пять лет. Нельзя сказать, что подобные браки – счастливые: если с самого начала мужчина и женщина не любят друг друга так страстно, что не могут разлучиться ни на минуту, то навряд ли через много лет они будут смотреть друг на друга с обожанием. Но Франтишек и Милена мирно уживались в одном доме – и даже претензии тещи не мешали им получать удовольствие от той жизни, которую они выбрали.

Но вот однажды, когда Лемм уехал на ярмарку в Пльзень, в ворота постучали. Милена спустилась со второго этажа, прошла по солнечной полянке перед домом, подошла к тяжелым деревянным воротам и распахнула окошко у калитки.

С той стороны, на улице, стояла молодая и настолько красивая женщина, что Милена даже нахмурилась – тем более что незнакомка походила на цыганку. Выглядела, правда, она довольно опрятно, и кожа у нее была белая, а не оливковая, как у пр*!*о*!*клятого народа, но пышная юбка, свободная блуза, распущенные волосы очень уж напоминали наряды вороватых цыганок из табора, который каждый год по пути неизвестно откуда и неизвестно куда останавливался у кромки леса. И еще: цыганка была беременной, видимо, на последнем месяце.

– Пустишь меня? – спросила она.

– Еще чего! – хмыкнула Милена. – Тебе чего надо? Денег?

– Я ребенка принесла, – ответила цыганка.

– Что?! – Милена задохнулась от возмущения. – Ты что, сумасшедшая? Детьми торгуешь? Иди отсюда, юродивая!

Но девушка просунула руку в окошко, не давая его захлопнуть. Милена не была настолько жестокой, чтобы треснуть по пальцам беременную девушку да еще сумасшедшую.

– Послушай, я хочу уйти со своими, – пояснила девушка. – А ребенок не от наших – меня с ним не возьмут. Я тут у вас в трактире у Яна пела, нагуляла и вот… Мне бы только родить.

– Послушай, – как можно убедительнее произнесла Милена. – Родить ты можешь у доктора.

– А ребенок? – повторила девица.

– Да что мы будем делать с твоим ребенком? Зачем он нам нужен? Почему ты вообще сюда притащилась? – Милена вышла из себя, так как очень разозлилась, что вся эта глупость происходит именно с ней. – Убери руку!

– А ребенок-то Франтишека, – заявила цыганка. – Он жаловался, что у вас детей нет, и обещал позаботиться. Мне жалко его в приют сдавать. А другого выхода нет.

– Другого выхода нет? – уже просто заорала Милена. – Другой выход – растить младенца самой! Да как ты вообще смеешь говорить, что мой муж… что мой муж…

Милене хотелось выскочить за ворота, схватить нахалку за плечи, встряхнуть ее как следует, крикнуть, как, мол, она смеет осквернять доброе имя ее мужа, утверждать в лицо его жене, что Франтишек посмел дотронуться до грязной

потаскухи, до цыганки… как эта дрянь вообще…

– У него на ноге шрам в виде креста, а на заднице красное родимое пятно, – заявила вдруг, перебив ее мысли, цыганка. – И если ты меня не пустишь, я оставлю в приюте записку, что ребенок от Лемма, все равно обо всем станет известно.

Милене хотелось придушить негодяйку, но публичный скандал – а из приюта новость уж точно разнесется по всей округе – убьет ее мать, это во-первых, а во-вторых, все будут тыкать в них пальцем.

Милена распахнула калитку, грубо схватила цыганку за руку и втащила во двор.

– Иди за мной, – процедила она.

– У меня уже воды отошли, – предупредила цыганка.

Милена провела ее на кухню, поставила кипятить воду, после чего перебила всю коллекцию пивных кружек, которые собрал ее муж, сорвала с окна шторы и разорвала их голыми руками, порезала ножом его одежду и только потом разрыдалась.

– Скотина… – взвыла она. – Какая скотина…

Девушка попыталась погладить Милену по голове, но та лишь закричала:

– Отойди от меня, проститутка! Иди в спальню, только сними свои лохмотья.

Одежду девушки трудно было назвать лохмотьями, но та подчинилась и устроилась на кровати.

Спустя пять часов на свет божий появилась девочка, которую Милена чуть было не обварила кипятком – с трудом сдержалась, убедив себя, что ребенок ни в чем не виноват.

Наутро цыганка исчезла, а вместе с ней снялся и табор.

На следующий день после возвращения Франтишека Милена уехала к родственникам в Мариенбад, Франтишек нанял сиделку (местным сказали, что троюродная сестра Милены скончалась при родах), и девочка стала расти. Пока она была совсем маленькой, Милена, все-таки простившая мужа, почти полюбила ребенка, но с годами девочка все больше походила на мать: те же пухлые губы, те же карие глубокие глаза. А прямые русые волосы достались ей от Франтишека. Потом Милена неожиданно родила – да еще сына, – и девочка всех перестала интересовать. В четырнадцать лет ее отослали во Францию, в пансион при монастыре, где учились дочери небогатых помещиков, и больше о ней в местечке не слышали. Сначала девочка писала, а потом пришло официальное письмо от аббатисы, что Ева в шестнадцать лет забеременела и сбежала с военным. Милена вздохнула с облегчением и забыла про эту обузу – приемыша, дочь цыганки. Франтишек сожалел чуть дольше, но он к тому времени расширил дело, наладил поставки зерна в Румынию, так что скоро тоже забыл о дочери, которая, видно, пошла в беспокойную мать.

Военный оказался честным человеком и женился на Еве, но, несмотря на порядочность, это был грубый, некультурный человек, который к тридцати годам растерял всю свою красоту, отрастил пузо, стал сильно пить и колотить жену. Скоро по городу, где жил отставной майор, поползли нехорошие слухи: стоило ему напиться, по дороге из пивной домой с ним обязательно что-то случалось: то упадет и сломает ногу, то нападут лихие люди, то заснет в сугробе и заболеет, то свалится в реку и едва не утонет… Его странной жены, которая одевалась не как добропорядочная дама, а скорее как цыганка, и смотрела так пристально, что от ее взгляда становилось жарко, стали побаиваться. Говорили, что это она насылает на мужа проклятия, и принялись жалеть спившегося майора, а его жену избегать и обзывать ведьмой – сначала за глаза, а потом и в лицо.

В конце концов Ева пропала – уехала вместе с дочкой.

Под девичьей фамилией Лемм она устроилась в дом одного пражского холостяка средних лет, с которым и прожила до конца жизни. Холостяк, который успел хорошо пожить, страдал от ревматизма, цирроза печени и слабого сердца, но стоило Еве появиться в его доме, как он вдруг ожил, похорошел, поздоровел. Правда, тогда он снова захотел вернуться к старому – потянуло его к уличным девкам, в казино и в трактир. Но стоило ему один-единственный раз заночевать у «мадам» с двумя девицами, японкой и пышнотелой полячкой, как все его болячки вернулись и он приполз к Еве разбитым и несчастным, и только мольбы

и клятвы, что подобное не повторится, вернули его к жизни.

После смерти матери дочери Евы, Магде, достался дом, а также небольшой капитал, на который девушка открыла магазин, где продавала румяна, помаду и желе для волос. Магазинчик пользовался успехом: дамы утверждали, что румяна необыкновенно и, главное, естественно оживляют лицо, а помаду просто хочется съесть – так вкусно она пахнет. Но в двадцать пять лет Магда влюбилась в атташе при русском посольстве – некоего графа, который отличался лишь тем, что его отец был очень богат и влиятелен в России, а также умением с шиком транжирить деньги.

Он обещал жениться на Магде, и она продала лавку и дом, поехала за ним в Петербург. Там он проиграл все, что мог, Магда рассчиталась за его долги, а он в знак признательности бросил ее одну в незнакомом городе. Но вскоре его отца отправили в ссылку, дом сгорел, последние деньги он в один миг проиграл и уехал в деревню, а там какая-то девка заразила его сифилисом, отчего он и умер в тридцать три года.

Магда, которой пришлось очень туго, ночевала с отверженными под мостом и клялась, что никогда больше не полюбит мужчину. Она обещала себе, что ни она, ни ее дочь, ни ее внуки – ни одна женщина из фамилии Лемм никогда не выйдет замуж и не будет страдать от неразделенной любви. Много ночей она проклинала весь мужской род, много ночей твердила одно и то же, и наконец ее клятвы стали проклятием – таким страстным и таким сильным, что оно сбывалось до наших дней.

Магда твердила тогда, что, если женщина из рода Лемм полюбит мужчину и назовет его своим единственным, сила, унаследованная от безымянной девушки-цыганки, у нее исчезнет. Но Магда тогда не знала, что проклятия такой силы оборачиваются против того, кто проклял, – в этом есть закон высшей справедливости, лазейка, с помощью которой Добро и Зло уравновешивают друг друга.

Голодную и грязную Магду подобрала одна дама, увлеченная идеей «блаженны нищие духом». Сначала Магда, которую дама окрестила и назвала Анной, жила в ее доме, в подвале, потом перебралась на кухню, потом приготовила хозяйке румяна, сочинила крем для отбеливания кожи, а уже через несколько лет ее магазин на Литейном славился на весь Петербург.

Александра, прапраправнучка Магды, еще до революции уехала в Париж, но потом все же вернулась, купила дом в Истре, где и поселилась с дочкой, которую по сложившейся традиции называть девочек Лемм на А (после того, как Магду переименовали в Анну) окрестила Амалией.

* * *

Все девочки Лемм (а мальчиков в семействе не рождалось) наизусть знали эту легенду – матери рассказывали ее своим дочкам на ночь, в то время как другие, обычные матери и бабушки, читали обычным детям «Золотого петушка» и «Карлсона». Никто не мог подтвердить ее достоверность, но был один неоспоримый факт – все женщины имели Дар. Одни дамы Лемм преуспевали в гадании, другие – в омоложении, но способности к этому определенно передавались по наследству и не имели ничего общего с практической медициной и заурядной астрономией.

Аглая, например, с закрытыми глазами, сидя в бункере с бетонными стенами, могла сказать, что Юпитер сегодня усилился, а влияние Марса ослабело – и только по внешнему виду человека определяла, для кого это важно, а для кого не особенно. Она чувствовала звезды, как обыкновенный человек ощущает порывы ветра и тепло солнца, и могла сообщить, глянув на полумесяц, где в это мгновение произойдет стихийное бедствие или авиакатастрофа.

Амалия же по морщинам на губах, по тоненьким жилкам сосудов, по заусенцам на пальцах могла написать биографию человека, рассказать, сколько у него любовниц и где он с ними встречается. Она читала душу по коже и приводила в порядок и то и другое.

Знания передавались из поколения в поколение – и не было такой женщины, которая бы не умножила семейный опыт. Кроме одной – Ангелины, которая, родив Анну, сбежала с ее отцом и назвала его единственным. До этого случая в семье так привыкли к легенде, что никто особенно не верил в то, что в этой сказке есть доля правды. Женщины Лемм считали, что с мужчинами у них не складывается не из-за старого – и сомнительно, существовавшего ли, – проклятия, а из-за их собственного характера и обстоятельств. Они уже привыкли иронически относиться к противоположному полу, к романтическим отношениям. На первом месте у них всегда была работа, и никто особенно не задумывался – почему так. Но Амалия, которая очень любила сестру, нашла

Ангелину и узнала, что отличавший ее замечательный Дар предсказывать будущее, ясно видеть через время в самом деле исчез. Ангелина стала обычной женщиной – отказалась от черного цвета, немного располнела и была вполне счастлива тем, что работала в метеобюро, готовила мужу-автомеханику пышные котлетки и читала романы Барбары Картленд.

– Иногда в полнолуние я не могу заснуть, – призналась она Амалии, с которой сидела на крошечной, всего пять квадратных метров, кухне. – Смотрю на луну, и здесь, – она положила руку на сердце, – что-то ноет. Тянет меня куда-то, и делается тоскливо, и душа трепещет… Но потом это проходит. Я сама выбрала путь. Винить некого.

– Неужели ты ни разу не жалела о том, что сделала? – спросила Амалия, которой было грустно и обидно, что мужчина с большими рабочими руками лишил ее сестры.

– Жалела?.. – задумалась Ангелина, которую муж, кстати, называл Анжелой. – Да. Тебе я могу сказать честно – жалела, и еще как. Но… Я не такая, как вы. Вы все сильные. А я слабая. Та жизнь не для меня. Я бы не справилась. Я не могу быть, как ты, как мама, как бабушка, – красивой, всегда на каблуках, всегда с макияжем. Не могу быть такой блестящей и уверенной в себе. Мне вовсе не хочется быть лучше тех женщин Лемм, которые жили до меня, не хочется думать о чести семьи.

– Знаешь, а я никогда об этом и не думала! – воскликнула Амалия. – Просто мне казалось, что так и надо, что именно наша жизнь – нормальная жизнь.

– В том-то и разница между нами! Для меня всегда было вопросом: почему с утра обязательно надо принять ароматическую ванну, наложить маску, припудриться, накраситься, уложить волосы, надеть тесный бархатный халат, а не махровый и теплый до пола?.. И еще во мне не было этой вашей уверенности в себе… Я даже, когда гадала, боялась: мне казалось ужасным, противоестественным заглядывать в будущее! Понимаешь?

Амалия накрыла ее руку своей, и они замолчали.

Это была самая сильная боль, которую Амалия испытала за свою жизнь. Больше всего ей хотелось наслать все существующие проклятия на голову подлого

автомеханика, заколдовать Ангелину, заставить ее разлюбить мужа, вернуть (пусть и без Дара) обратно, но… Она понимала, что с ними сестра будет несчастна. Она еще несколько раз навещала ее и все-таки обиделась, когда Ангелина наотрез отказалась везти мужа к родственницам в Истру. Она не сказала почему, но Амалия все прочла в ее глазах – она боялась и того, что подумают родственницы, и того, как ее простой автомеханик отреагирует на странных одиноких женщин, которые расхаживают по дому в босоножках от Кристиана Лабутена.

И Амалия почувствовала самую настоящую ярость – не за то, что сестра сделала такой странный и, если уж на то пошло, глупый выбор, но за то, что та имеет наглость стесняться своей семьи, стесняться их традиций, стесняться всего того, чему большинство людей на этой планете завидует самой что ни на есть черной и алчной завистью.

В следующий раз она увиделась с сестрой через десять лет. Амалии было чуть за тридцать, она носила платья от Диор, ездила за границу, дружила с Пугачевой и зарабатывала такие деньги, что каждый месяц могла бы покупать две новые машины. А Ангелина к тому времени родила парочку туповатых мальчишек, набрала еще пятнадцать килограммов и понятия не имела, кто такой Джим Моррисон.

Амалия наслаждалась тем, какая она модная, шикарная, светская и успешная, а Анжела тщилась убедить сестру, что счастье возможно и без магазина «Шанель», в чем, разумеется, ничуть не преуспела. На прощание Амалия предложила сестре чудесный крем для лица и средство для похудения, но Анжела так искренне от него отказалась, что Амалия поставила на сестре крест.

«Мужчина… – думала она, разгоняя красный „Мерседес“ по Волоколамскому шоссе. – Неужели работу, десятки поклонников, знаменитых друзей, театры, выставки, блестящие приемы можно променять на какого-то одного мужчину?! Что за чушь!»

Глава 4

Ответ на все вопросы

– Ба! – окликнула Саша Амалию. – Зачем ты Зинаиде отдала дорогой крем? У тебя приступ человеколюбия?

– Александра, – строго ответила Амалия. – Мое чувство прекрасного страдает, когда я вижу дешевую химическую завивку и жуткие тряпки, которые незаслуженно называются одеждой.

– То есть ты действовала из эгоизма? – уточнила внучка.

– Дорогая моя, – усмехнулась Амалия, – благими намерениями вымощена дорога в ад.

– А как же поговорка «Насильно мил не будешь»? – настаивала Саша. – Может, ты Зине жизнь сломала?

– Я ей плачу, – пожала плечами Амалия. – Она же у меня не за спасибо убирается. Так что пусть на работе появляется в приличном виде.

– Может, ее устраивает ее жизнь? – Настя, которая зашла на кухню с пустой чашкой, присоединилась к кузине.

– Меня настораживают ваши странные вопросы, – Амалия отложила рогалики, которые намазывала маслом и джемом, и села за стол напротив сестер. – Если человека все устраивает, значит, он уже умер.

– Амалия! – Настя всплеснула руками. – Ты всех сравниваешь с собой! Но не все же такие целеустремленные и решительные.

Амалия приняла грустный вид:

– Зря. Очень зря. Кстати, вы подготовили платья?

Тринадцатого сентября Аглае исполнялось сорок шесть. В день рождения, который у всех женщин был тринадцатого числа (у Амалии в мае, у Аглаи в сентябре, у Анны в декабре, а у девочек в октябре), родственницы особенно торжественно наряжались – в бальные платья, накрывали стол в настоящей

гостиной – не той, что вместе с кухней, а той, которую иначе как на Рождество, Новый год и дни рождения не открывали.

– Я, наверное, надену черное платье с бисером, – глядя в окно, заявила Саша. – То, что я привезла из Лондона.

– Ты рехнулась? – грубо отчитала ее бабушка. – Я же тебя попросила съездить к Люсе, она привезла несколько платьев от Шанель! Тебе же еще его подогнать надо!

– Бабушка… – Саша положила голову на стол и ухватилась за нее руками. – Ну скажи мне, зачем подгонять платье от Шанель, если оно стоит десять тысяч долларов?

– Затем, дорогая моя, что платье за десять тысяч долларов обязано идеально сидеть на твоей фигуре! – отрезала Амалия. – Это Зинаидины шмотки по сто рублей имеют право висеть на ней, как на вешалке, а платье от Шанель должно сидеть так, словно ты в нем родилась!

– Я вообще не хочу ничего, что стоит десять тысяч долларов, – вмешалась Настя. – Я принципиально против.

Амалия бросила на нее такой взгляд, что Настя немного испугалась – все-таки это была ее бабушка, и она точно знала, что кого-кого, а уж ее-то лучше не злить – пощады не будет.

– Ты что, дорогая, новости смотришь? Откуда взялось это «принципиально против»? – передразнила Амалия. – Значит, так… У моей дочери день рождения, так что будьте любезны, сделайте ей приятное – наденьте то, что ей хочется на вас видеть. На ваш собственный день рождения я куплю вам пару джинсовых комбинезонов и приглашу в «Макдоналдс». Договорились?

И, не дожидаясь ответа, она вышла, особенно громко стуча каблуками.

Аглая сидела у себя в комнате на втором этаже и листала книгу Вильяма Лили, астролога Чарльза Первого.

– Мам, это все так наивно! – воскликнула Глаша и, захлопнув книгу, бросила ее на стол. – Такую ерунду человек пишет!

– Слушай… – Амалия взяла со стола золотой портсигар в форме сигаретной пачки, на котором бриллиантами было выложено золотое сечение. – С девочками что-то происходит.

– Что значит «происходит»? – переспросила Аглая.

– Во-первых, они отказываются от платьев Шанель, – сообщила Амалия с таким видом, словно застукала Сашу со шприцем в вене.

Любая обыкновенная женщина рассмеялась бы и пошутила насчет того, что неприязнь к нарядам от Шанель – это действительно катастрофа, что Сашу надо показать врачу, может, даже принудить к стационарному лечению и каждый день заставлять через «не хочу» покупать несколько вещей от кутюр – тогда, возможно, появится хоть призрачная надежда на выздоровление… Но Аглая выпучила глаза и срывающимся голосом произнесла:

– Ты что, серьезно?

– Совершенно серьезно, – кивнула Амалия.

– Что же делать?! – возопила Глаша.

В их доме Шанель почиталась, как святыня. Наряды от Шанель были произведениями искусства, которые женщины имели честь носить. Ни одно платье, ни один костюм, купленный у еще молодой Коко, не износился – все они висели в гардеробе в бархатных чехлах, свежие, как в первый день, и до сих пор «выходили в свет».

Шанель – это был фирменный стиль фамилии Лемм, и добровольный отказ от него вызывал самые худшие подозрения.

– Вы о чем? – поинтересовалась Анна, заходя в комнату. – Девочки сказали, что у вас тут заговор.

Анна была самой странной представительницей семейства – она была писательницей. Пока она подрастала, Амалия за нее боялась – мать ее бросила, да еще таким варварским способом, вдруг девочка пойдет по ее стопам? И действительно, сначала Анна почти не проявляла интереса к магии, и Амалия заранее готовила себя к тому, что девочка будет «не такая». Но Анна умудрилась найти занятное решение. Она стала автором книг, о которых критики писали в том духе, что «магия ее романов даже самого скептического читателя заставляет поверить в чудо» и «восхитительное сочетание простоты сюжета и эмоциональной насыщенности – необычное, смелое сочетание на фоне повального цинизма и MTV-зации». Книги и правда были, казалось бы, незатейливые: она его любила, он ее предал, другой ее полюбил, но она долго не могла его оценить… Однако имелось в них что-то особенное. Нечто, что не позволяло оторваться от книжки, пока не заканчивались страницы. А после надолго задерживалось послевкусие, которое можно сравнить лишь с ароматом приторного северного меда, насыщенного мятой, цветами и запахом сочной луговой травы.

Анна была невероятно популярной писательницей – она получила кучу премий, наград, писем читателей, которые на пятнадцати страницах расписывали свою судьбу и сравнивали ее с жизнью героинь из романов Анны Смирновой (в качестве псевдонима Анна Лемм взяла фамилию отца, чтобы при виде ее имени у читателей не возникало ассоциаций со Станиславом Лемом). Амалия с Аглаей сначала посмеивались над ее творчеством и сожалели о растраченном впустую Даре, но потом привыкли и зауважали писательницу, которая так хитро сочетала семейный Дар с вполне человеческой профессией.

– Твоя дочь не хочет носить Шанель! – Глаша накинулась на Анну.

– Твоя тоже! – одернула ее Амалия.

– Она что, озверела? – изумилась Анна.

– Представь себе! – фыркнула Аглая.

Внизу раздался какой-то шум.

– Глаша! – послышался крик Насти. – К тебе тут… ворвались!

– Подождите меня. – Глаша сорвалась со стула и бросилась вниз.

В холле напротив Саши и Насти стояла высокая худая женщина со всклокоченными волосами, которая визжала, топая ногами:

– Где она, я вас спрашиваю?

У женщины была истерика. Видно было, что она все еще считает, будто сдерживает себя, но на самом деле давно перешагнула границы приличий и вела себя как вздорная баба.

– Девочки, идите к себе, – велела Аглая, а затем обратилась к визитерше: – Что вам угодно?

– Мне угодно, чтобы ты отвалила от моего мужа! – закричала дамочка.

– А ваш муж, он кто? – поинтересовалась Аглая.

– А то ты не знаешь! – взвизгнула незваная гостья.

– Понятно, – кивнула Аглая. – До свидания.

Она развернулась, вошла к себе в кабинет и заперла дверь изнутри.

Женщина, открыв рот, смотрела ей вслед, а потом с жутким воплем бросилась на дверь и принялась колотить по ней кулаками.

– Открой, сука, немедленно!

– Пошла вон! – крикнула ей из-за двери Аглая. – И пока не успокоишься, не возвращайся!

Женщина еще некоторое время била в дверь кулаками, ногами и даже головой, но в конце концов присмирела, склонила голову к груди, в изнеможении сползла по стене на пол и, уже сидя, разрыдалась. Когда она утирала последние слезы, дверь кабинета приоткрылась и Аглая вышла наружу. Она села перед женщиной

на корточки, взяла ее холодные руки в свои и спросила:

– Полегче?

Женщина помотала головой.

– Ну, пойдемте, расскажете мне все, – Аглая подцепила женщину под локоть, рывком подняла и чуть ли не на себе поволокла на кухню.

– Женя – подонок! – всхлипывала дамочка. – Он трахает своих секретарш, шляется по баням и снимает шлюх в стриптизе! Сукин сын, как я его ненавижу! – Она стукнула кулаком по столу.

– Вас как зовут? – поинтересовалась Глаша.

– Вика.

– Вика, мы ведь говорим об Евгении Дмитриевиче? Я правильно поняла? – уточнила Аглая.

– Да, мы говорим об этом засранце! – кивнула Вика.

– Послушайте, а зачем же вы с ним живете? – изумилась Аглая.

Вика вскинула голову и тоже с удивлением посмотрела на Глашу.

– Видите ли, я двадцать лет не работаю, у меня нет детей, я привыкла одеваться в Милане, и я не хочу от всего этого отказываться, – отрезала она. – Но я хочу быть счастливой! Мы раньше были счастливы, понимаете? А потом все изменилось!

– Идите сюда. – Аглая взяла Вику за руку и вывела в коридор.

Включила свет и подвела женщину к большому, во весь рост, зеркалу в тяжеленной резной раме.

– Смотрите, – приказала она.

Вика вгляделась и увидела, что зеркало, как высококлассная фотография, отражает все детали: все поры на лице, каждый волосок, выросший не на месте, и каждое пятнышко на коже стали абсолютно очевидны. В своем отражении Вика увидела измученную женщину с воспаленной, несмотря на усилия косметологов, кожей, с черными кругами под глазами, с тусклыми глазами, с острыми, как порез бритвы, морщинами… Женщину, обессиленную, уставшую и несчастную.

– Я же красилась… – пробормотала она, испуганно глядя на Аглаю.

Та пожала плечами:

– Мое зеркало показывает все, что есть на самом деле.

– Как это? – насторожилась Вика.

– Вы что, не знаете, кто я? – усмехнулась Аглая.

– Ну, астропрогнозы составляете, – Вика скривилась. – Я, в принципе, наверное, тоже могу их составлять. Все, кому не лень, гороскопы составляют.

Аглая расхохоталась. Она щелкнула пальцами, и свет погас.

– Ой! – воскликнула Вика. – У вас что, сенсорные выключатели?

– Сюда идите! – позвала Глаша.

Они проследовали на кухню, Аглая налила в кастрюлю холодной воды, поставила на стол и подняла руки над водой. Скоро вода забурлила, покрылась пузырьками, а потом и закипела.

Вика, не говоря ни слова, смотрела на хозяйку. А та взяла свечу, дунула на нее, и на фитильке заплясало пламя.

– Ну и еще один фокус… – усмехнулась Глаша.

Она вынула из корзины яблоко, накрыла ладонями, и скоро фрукт стал покрываться инеем. Постепенно на яблоке намерзал лед, как в морозильнике, и, только когда льдинки начали падать на пол, Аглая положила яблоко в раковину и дотронулась до Вики. Руки у нее были теплые.

– У меня глюки, – грустно сказала Вика.

– Нет у вас никаких глюков, – успокоила ее Аглая. – У вас всего лишь невроз, а галлюцинации бывают в лучшем случае у шизофреников. Гипноз, например, не может вызвать видения.

– Ну да… – все так же печально буркнула Вика.

– Не хотите ли, чтобы я вам помогла? – спросила Глаша.

– Если все это мне кажется, то хочу. Ведь все равно это тогда будет понарошку, – согласилась Вика.

– Амалия! – закричала Аглая. – Ванну Нефертити!

И в доме началась суета.

Тем временем смеркалось, день сменили лазоревые сумерки, природа тоскливо, но вкусно пахла осенью, а в воздухе как бы парила странная, блестящая мошкара, отчего казалось, что все кругом искрится.

Женщины Лемм носились по всем этажам дома, переругивались, хлопали дверьми.

– Обожаю ванну Нефертити! – сообщила возбужденная Настя, убегая из кухни с огромным, но, видимо, легким мешком в руках.

– Это стоит тысячу долларов, – сообщила Аглая.

Вика безропотно открыла сумочку, выложила на стол толстую пачку денег, отсчитала десять купюр и передала Глаше.

– На всякий случай ношу, – пояснила она, кивнув на пачку. – Если вдруг одолеет непобедимое желание убить мужа.

Где-то через час на кухню пришла Амалия и сообщила:

– Пора.

Вику раздели до нижнего белья, накинули ей на плечи черный махровый, но отчего-то шелковистый на ощупь халат и проводили вниз. Внизу, в подвале, был небольшой холл с двумя дверьми – одна вела в лабораторию Амалии, другая – в ванную комнату с круглым джакузи.

В джакузи бурлило нечто белое, в чем плавали розовые лепестки. В помещении стоял тяжелый запах эфирных масел, меда и молока.

– Это что? – нахмурившись, поинтересовалась Вика.

– Козье молоко, – ответила Амалия. – Девочки! – обратилась она к родственницам. – По местам!

Четыре женщины сели так, что образовали вокруг джакузи квадрат, взяли в руки тонкие книжки в золоченом переплете и приготовились.

– Вон там переоденьтесь, – Амалия указала Вике на ширму.

Вика зашла за красивую японскую ширму и обнаружила полупрозрачное белое неглиже – комбинацию и шортики.

Одевшись, вышла к хозяйкам, которые зажгли, казалось, штук сто свечей всех мастей – крошечных, длинных и толстых, круглых, в форме звезды, розовых, прозрачных, из чистого медового воска…

– Становитесь сюда. – Амалия затащила Вику на пушистый круглый коврик. – Закройте глаза. Поднимите немного подбородок.

Вика почувствовала, как теплые сухие руки втирают ей в лицо и плечи что-то приятное, пахнущее шиповником, отчего уходила тяжесть из висков и возвращалась давно забытая, простая человеческая радость от жизни – независимо от Евгения Дмитриевича, то есть подлеца Женьки, от поездок в Милан, от количества кредитных карт в сумочке и от желания (или нежелания) стюардессы первого класса угодить богатой клиентке. Неожиданно Вика вспомнила, как в детстве на даче шла с подружками на речку – сначала по пыльной песчаной дороге, потом по высушенному солнцем лугу, мимо соснового бора, а потом уже не шла, а бежала – к воде, к пресной воде, от которой так приятно пахло и которая обещала быть такой теплой и прозрачной… И никаких в ней нет пиявок, никаких ужей – только счастье до посинения, только солнце и нежное песчаное дно с ракушками!

В это время Амалия подвела Вику к джакузи, помогла устроиться в ванне, и вода – или что там в ней бурлило – обволокла ее тело, которое стало таким легким, что ей показалось, будто сейчас она взлетит к потолку. И вдруг по рукам и ногам Вики разлилась нега. Скрюченные от постоянной нервотрепки мышцы расслабились, и тепло проникло внутрь. Пять голосов тихо читали что-то на непонятном языке, и от их бормотания Вике делалось еще лучше – она чувствовала, как из души уходят боль и отчаяние. Она не знала, сколько времени провела в этой странной ванне, – что-либо понимать начала лишь тогда, когда ощутила, что джакузи пусто.

И вдруг на Вику обрушился шквал холодной воды. Она зафыркала, завизжала, но, даже несмотря на шок, почувствовала, сколь необычна эта вода на вкус – сладкая и ароматная.

На Вику снова надели черный халат, усадили ее за туалетный столик, намазали кремами, от которых кровь быстрее забегала по жилам женщины. Затем уложили ее волосы, подкрасили и отвели пить чай.

Вика чувствовала себя молодой, счастливой, сильной и независимой – наверное, первый раз после того, как вышла замуж. «И что это я вдруг расхлюпалась? – оптимистично думала она. – На меня ведь записаны три дома и молочная фабрика! Никуда этот козел не денется! Да я его авторитетом задавлю, мерзавца!» Вика ощущала, что ее сил хватит сейчас на то, чтобы голыми руками тащить по МКАД «КамАЗ», груженный бетонными плитами.

– А что это было? Ну, то, чем вы меня обливали… – поинтересовалась она, попивая жасминовый чай.

– Роса, – ответила Амалия.

– Роса? – словно не поверила Вика.

– Ро-са, – по слогам повторила Анна. – Это такая вода, которая ночью бывает на траве.

– Ну, да, знаю, – согласилась Вика. – Только как вы ее собрали?

– У нас свои секреты, – усмехнулась Настя.

– Да, кстати… – слишком бодро произнесла Глаша. – Я вас немного обманула. На самом деле ванна, которую вы сейчас принимали, стоит пять тысяч. Просто я не думала, что вы мне поверите. Но теперь-то вы понимаете, что одна роса тянет на…

Вика жестом прервала ее, отсчитала еще сорок бумажек, положила на этажерку и с улыбкой безгранично довольного человека спросила:

– Девочки, а можно я иногда буду к вам приезжать? Просто так. Не по делу. Думаю, как-нибудь мне захочется лишний раз сказать вам «спасибо».

– Конечно! – воскликнула Саша. – Будем рады.

В холле Вика снова заглянула в то зеркало. И теперь увидела в нем совсем, видимо, другую женщину. Какую именно, Аглая не стала спрашивать, но глаза Вики сразу как-то особенно заблестели. И, вообще, вид у нее был такой, словно она сейчас начнет петь.

– Ладно, до свидания, – кивнула Вика. – Еще раз спасибо. Если что – обращайтесь.

И она протянула Аглае визитную карточку. Но едва гостья ушла, Глаша швырнула ее, не глядя, в плоскую серебряную вазу в прихожей. Затем Аглая

поднялась к себе, а Настя в это время вытащила визитку из вазы и спрятала в кармане.

Где-то через час Вика, несмотря на протесты метрдотеля и увещевания охраны, ворвалась в кабинет знаменитого французского ресторана, обозрела пьяненького мужа, окруженного шестнадцатилетними моделями, велела официанту принести морковный фреш – для нее, лимонад и кофе – для Евгения Дмитриевича и выпроводить девушек.

– Я не понял, ты чего творишь, жопа? – спросил как обычно ласковый и вежливый наедине с женой Евгений.

– Сейчас я тебе все объясню… – пообещала Вика. – Сейчас, урод, ты получишь ответ на все свои вопросы…

Глава 5

К черту колдовство!

– Они просто… ну, в общем, повернулись на этой своей Шанели! – воскликнула Саша, с недовольством разглядывая свое отражение в винтажном платье.

– Эй! Повежливее! – одернула ее Настя. – Это все-таки наши родственницы, так что выбирай выражения, когда говоришь о том, что они давным-давно двинулись на своей гребаной магии!

– Тебе не нравится магия?! – Саша сделала большие глаза.

– А тебе? – усмехнулась Настя.

Саша вздохнула, села на стул, закурила сигарету и сказала, смотря Насте в глаза:

– Мне не нравится Шанель, мне не нравится магия, мне не нравится Истра, и мне надоело жить в доме с тремя – тебя не считаю – взбалмошными, капризными, самовлюбленными ведьмами.

Настя села на один стул с Сашей, вынула у сестры изо рта сигарету, затянулась.

– И что делать-то?

Саша пожала плечами.

– Я чувствую себя в западне, – сказала она. – Все эти традиции: мужененавистничество, черный цвет, обязанность называть дочерей на А… Мне иногда бывает душно – буквально, кажется, что не хватает воздуха, что я разучилась дышать. Я, знаешь, чувствую себя, как эта Вика, которая не может жить без шопинга в Милане. Хочется и рыбку съесть, и с горки прокатиться…

– Да-а… – протянула Настя. – Наши дамы загребают страшные деньги. Если я буду актрисой, о черной икре на завтрак придется забыть.

– А ты будешь?

– Не знаю. Нам ведь уже почти двадцать пять.

По традиции, в двадцать пять каждую женщину Лемм посвящали в ведьмы – это была торжественная церемония, на которой девушка объявляла, какой именно магией намерена заниматься.

– Они будут об этом говорить? – с тревогой поинтересовалась Настя.

– Непременно! – кивнула Саша.

– Блин! – расстроилась Настя. – Дело в том, что я вообще не хочу пока никакого посвящения. Я не готова.

– Понимаю, – усмехнулась Саша. – Но, к сожалению, наших дорогих родственниц сие не волнует.

– Знаешь, – Настя затушила сигарету в пластиковом стаканчике с водой, – это, конечно, глупо звучит, но я… я их не понимаю. Даже маму. Она пишет свои книги, но… Они как бы не совсем честные, ее книги, – она же что-то такое делает, отчего все хотят читать именно их, и получается, что не талант писателя работает, а магия. А все эти женщины, которые благодаря бабушке выглядят чуть ли не на пятнадцать? Им же на самом деле за сорок, а многим и за шестьдесят!

– И что? – Саша развела руками.

– Это… нечестно! – Настя опустила голову. – Понимаешь, если бы они лечили смертельные заболевания или работали над безопасностью – ну, там предсказывали бы вероятность авиакатастроф, то я бы могла их понять. Но они занимаются совершенно бессмысленным делом – потакают чужим слабостям. Для них главное, чтобы в доме всегда было шампанское «Кристалл», чтобы кредитки лежали в кошельке от Шанель и чтобы зимой можно было укутаться в соболиную шубу от Ярмак. Они выбрали легкий путь: потворствовать греху всегда проще, чем насаждать добро…

– Настя! – воскликнула Саша. – Ты когда успела превратиться в зануду?

– Я не зануда! – надулась Настя.

Дверь скрипнула, и в комнату зашла невысокая загорелая женщина лет сорока – Люся. Женщина была закупщицей модной одежды: она покупала для частных клиентов наряды в Париже, Лондоне и Милане – многие так доверяли ее вкусу, что отправляли одну, когда срочно требовалось платье для особого случая.

– Ну, как, мои девочки счастливы? – спросила Люся, широко улыбаясь. И тут же возмутилась, уставившись на Настю: – Что это такое?! Ты еще не померила платье?

– Сейчас… – Настя лениво поднялась со стула и сняла с плечиков узенькое, облегающее платье без рукавов с юбкой-трапецией.

– Оно восхитительно! – Люся захлопала в ладоши. – К нему нужны пояс-цепочка, шелковые сапоги до колен и… – Она задумалась, нахмурив брови. – И черный жемчуг на шею! Я позвоню вашей бабушке. Если нет черного жемчуга, нет

смысла надевать это платье. – Взгляд у Люси стал мечтательным. – Сказать вам, дорогие мои, почему я так люблю Шанель?

Девушки кивнули.

– Шанель – это настоящая роскошь. Любое платье Шанель – только начало, лишь основа, фон… для бриллиантов от Тиффани, для «Астон Мартина», для яхты… Разве можно сравнить Шанель с этим мальчишкой Готье? Любая его вещь самодостаточна – купил пальто и напялил его с джинсами и кроссовками. Да хоть и с бейсболкой!

– Шанель тоже надевают с джинсами, – пробурчала Саша.

– Несчастные люди, – содрогнулась хозяйка. – Они обречены.

– А чем вам не нравится Диор или Ланвин? – поинтересовалась Настя.

Люся прищурилась.

– Понимаешь, дорогая… Мне и Готье нравится. Но он не жил в то время, когда платье можно было сравнить с картиной Моне или книгой Толстого. Тогда в одежду вкладывали душу и ожидали, что ее будут носить до конца жизни. Как ты считаешь, хорошо ли шили костюм, который отец завещал сыну, а? Я люблю и Диора, и Ланвин – Кристиан был такой вежливый юноша, а Жанна такая элегантная! – но… В Коко, кроме невообразимой изысканности, какого-то просто болезненного вкуса, удивительной дотошливости и требовательности, было что-то… животное. Порочное. Какая-то нечистая сила. Наверное, именно поэтому ее наряды – не просто верх элегантности, а… магия, сексуальность, нечто… запретное.

– Вы так говорите, как будто знали ее лично, – усмехнулась Саша.

Женщина мрачно на нее посмотрела.

– А ты как думаешь? – спросила она, развернулась и ушла.

– Она серьезно? – растерялась Саша.

– Да черт их знает, этих бабушкиных подружек! – всплеснула руками Настя. – Ладно, берем манатки и едем домой.

Они забрали дорогие портпледы с нарядами, выслушали пожелания насчет обуви, расцеловались с Люсей и сели в черный «Крайслер Круизер». Каждый раз, садясь в машину со стороны пассажира, Настя ощущала вину. И каждый раз это выводило ее из себя. И сквозь чувство вины прорывалось возмущение: а, собственно, почему она должна водить машину, если это не она придумала жить в тридцати километрах от города, то есть от Москвы? В Москве можно ездить на такси, в крайнем случае – на метро, и никто не обязан управлять автомобилем, как того требуют Анна, Аглая и Амалия. Конечно, Настя умела водить – но каждый раз самостоятельная поездка доводила ее до истерики.

– Ты любишь водить машину? – спросила Настя у сестры, которая сидела на водительском сиденье.

– Обожаю! – воскликнула Саша.

– Я не настоящая Лемм, – загрустила Настя. – Я – фальшивка!

– Значит, ты быстро выдохнешься! – расхохоталась Саша. Поймав удивленный взгляд Анастасии, пояснила: – Ну, как поддельные духи…

– Очень смешно! – фыркнула Настя и отвернулась к окну.

В Доме было тихо. Амалию красила визажистка, Аглаю массировали, Анна отдыхала с маской на теле и лице.

Саша прошла к себе в комнату и обнаружила, что ее ждет ванна. У каждой жительницы Дома была своя ванная комната – с рождением новой девочки, по мере ее взросления, они переделывались по вкусу хозяйки. Сашина была темно-синяя, с украшениями из цветного стекла в виде морских звезд, русалок и водяных. На этот раз в просторной ванне была вода, судя по запаху, морская. И она светилась! Крошечные звездочки сияли в голубоватой воде, дно было устлано водорослями, а где-то тихо шумел прибой и пищали чайки. Несмотря на мрачное расположение духа и на обострение неприязни к семейным устоям,

Саша не могла не восхититься. Она сбросила одежду, зажгла свечи, пахнувшие весенними южными ароматами, погрузилась в воду и почувствовала на губах солоноватый вкус. Кожу приятно обвивали гладкие водоросли, вода была в меру горячей, и прибой так естественно шумел, что все Сашино недовольство вдруг куда-то подевалось. Девушка закрыла глаза и позволила себе получить удовольствие от того, что живет в очень особенной семье, в очень особенном Доме и принимает такую ванну, что королева английская и та обзавидовалась бы.

А Настя пошла в солярий – самый занятный солярий в мире. Находился он в небольшом подвальном помещении, куда входить надо было со двора. Ничего похожего на заурядные пластмассовые машины, в которых живой человек сам себе кажется гамбургером и ему мерещится, что вот сейчас придет какой-нибудь великан-людоед и слопает этот гамбургер, здесь не имелось. Пол в комнате был усыпан толстым слоем розового песка – теплого, так как пол был с подогревом. Одна стена представляла собой изумительный вид морского побережья. В комнате стояли пальмы в кадках, а лампа для загара откидывалась от стены и нависала над тем, кто грелся в песочке. Можно было нажать на кнопку и обрызгаться прохладной водой, заказать сильный ветер, расслабляющий или бодрящий запах, музыку или шум волн. Настя растянулась на песке, включила блюз – настоящий новоорлеанский блюз 20-х годов – и на время забыла о том, как трудно ей, бедной-несчастной, жить в таких невыносимых условиях.

К половине десятого все женщины собрались в большой квадратной комнате, которая была разделена на две части: в одной стоял длинный стол, накрытый белой скатертью, а в другой вокруг низкого столика теснились диваны и кресла.

Пока приглашенные официанты накрывали в столовой, женщины устроились на диванах с бокалами коктейлей в руках.

– За нас! – провозгласила Амалия.

– Ура! – подхватили все.

– Ну, – Анна толкнула Аглаю в бок, – рассказывай, что у тебя с этим писателем!

– У меня с ним ужас! – расхохоталась Аглая, хватившая стакан «Яблочной Маргариты». – Вы же знаете, как я люблю талантливых мужчин! Он меня приглашал в рестораны – его там все узнавали, просили автографы, я отогревала свое холодное сердце в лучах его славы, а потом он пригласил меня домой, и тут я почувствовала – что-то не так. Понимаете, у талантливого мужчины совершенно особенная аура – даже если он подонок и мерзавец. Они… они горят, как костер, и тебя тянет на это тепло, и хочется хоть на пять минут устроиться поудобнее, уставиться на пламя и пригреться… Ух! В общем, никакого пламени я не ощутила. Так – угольки.

– Ты про секс, что ли? – уточнила Анна.

– Про секс, конечно, тоже, – кивнула Аглая. – Но одно вытекает из другого. Не было у него этой ауры. И секс был какой-то бездарный: как бы по протоколу, без души. Я лежала и думала: почему у соседей приемник так громко играет, и вообще, чего они Распутину завели – озверели, что ли? А он, понимаете, – тыр-пыр, никакого вдохновения… И мне все время было его жалко – так он пыхтел и старался… и все лез мне шею кусать, как будто его кто-то напугал: не будешь кусать женщин в шею, не видеть тебе ни денег, ни счастья… Ну, вот, а потом он размяк и признался… что за него пишут «негры». Представляете?! Я-то запала на талант, а он, оказывается, давно уже не пишет, только редактирует. Нет в нем этого источника, нет божьей искры!

– И что, ты с ним рассталась? – спросила Настя.

– Разумеется! – вспыхнула Аглая. – Ты еще спроси, не купила ли я сумку «Гермес» на рынке! У меня все настоящее, и любовники в том числе!

– Кстати, я до сих пор не понимаю, зачем вам «Биркин»! – вмешалась Саша. – Что такого в этой сумке, отчего она стоит четыре тысячи долларов, а?

– Магия! – хором ответили старшие женщины.

– Ну какая магия в сумке? – простонала Саша.

– Детка, – с легкой издевкой ответила Анна, – это как с девственностью – физически ты ее не ощущаешь, но очень хочешь ее лишиться. То же и с «Биркин», только наоборот: на первый взгляд ничего особенного, но ты не

можешь без нее жить.

– Пойдемте за стол, – прервала спор Амалия.

Ко второй смене блюд все немного перебрали шампанского и ввязались в страстное обсуждение вуду.

– Мне кажется, – уверяла Аглая, излишне энергично размахивая фужером, – что это фантастическая религия! В черных есть что-то особенное – сила, физическая красота, затаенная злость и… как это сказать… мощь попранного народа!

– Что?! – вздрогнула Саша.

– Ну, ты понимаешь, – засуетилась Аглая, – в Африке они все бедные, а в Америке еще в пятидесятых не было общих туалетов для черных и белых. Они униженные и оскорбленные, только ощущение такое, словно они с какой-то неясной целью терпят до поры до времени – и не знаешь, чего от них ждать… Ты меня поняла?

– По-моему, Глаша запала на мощного черного парня, у которого нет денег! – расхохоталась Анна.

– И у которого есть только большой мощный член! – засмеялась Настя.

– Признавайся! – воскликнула Амалия.

– Если я признаюсь, вы сдохнете от зависти! – выкрикнула Аглая.

– Ой, ну прям… Давай колись! – настаивала Анна.

Послышался удар часов.

– Девочки! – прикрикнула Амалия. – Уже без четверти! В сад!

Все выбежали в сад, захватив шали, – к полуночи посвежело. Ровно в двенадцать над садом взвилась ракета: ба-бах! Она разорвалась и превратилась в птицу.

Вторая оказалась одалиской, третья – хризантемой, четвертая – морской звездой, пятая – дельфином, четвертая – фирменным знаком Шанель… А последняя, двенадцатая, стала голой ведьмой на метле, которая, казалось, не распалась, как предыдущие, на золотые стружки, а улетела за облака.

– Мама… – прошептала Аглая и поцеловала Амалию. – Только ты так умеешь. Спасибо.

– Нас всех ждут подарки, – сказала бабушка, обняла Глашу за талию и увела в Дом.

Новорожденная получила кольцо с большим квадратным желтым бриллиантом, Анне достались фантастической красоты серьги с рубинами, Амалия продемонстрировала браслет с изумрудом неприличного размера, а Настя и Саша обнаружили в коробках кулоны с лунным камнем, черными бриллиантами и черным жемчугом на толстых золотых цепочках.

Девушки переглянулись. Кулоны могли значить только одно.

– Девочки, вы заметили, что у нас сегодня нет гостей? – спросила Амалия, внимательно глядя на внучек.

– Трудно было не обратить внимания, – сообщила Саша.

– А все потому, что вам через месяц исполняется двадцать пять, – продолжила бабушка. – И нам надо серьезно поговорить. Теперь вы готовы к тому, чтобы продолжить дело нашей семьи. Эти кулоны, – она указала на украшения, которые девушки до сих пор держали в руках, – будут защищать вашу силу и предупреждать об опасности. Наденьте их, девочки, так как вы практически стали взрослыми и через месяц станете одними из нас.

Девочки с кислыми лицами слушали Амалию, а когда она договорила, Настя положила кулон на стол и откинулась на спинку стула, сложив руки на груди.

Все родственницы уставились на нее, даже Саша. Никто не произнес ни слова, кругом, даже на улице, казалось, замерли все звуки. Когда тишина стала почти невыносимой – от нее, как от высокого давления, заложило уши, – Настя наконец

заявила:

– Я не хочу быть одной из нас. Я хочу быть обыкновенной.

Если бы она заявила, что собирается поменять пол и уехать на Кубу строить коммунизм, ее слова не произвели бы такого действия. Но женщины молчали – Настя не дождалась ни охов и ахов, ни расспросов.

– Я все обдумала, – сообщила она, подливая в свой бокал шампанское, – и поняла, что мне придется всю жизнь врать, если я буду такой, как вы. Я хочу быть актрисой…

– Настя, ну, кто ж тебе мешает… – встряла было Анна, но Амалия так на нее зыркнула, что та стушевалась и замолчала.

– Я хочу быть честной актрисой. Хочу, чтобы люди полюбили мой собственный талант, а не мои способности задурить всем голову…

На этой фразе ноздри у Амалии так широко раздулись, что, казалось, вот-вот лопнут.

– Мне стыдно, бабушка! – воскликнула Настя. – Я смотрю на актеров и понимаю, что они стараются, вижу, как много они работают, чтобы прославиться, и я не могу легким движением пальцев сделать так, чтобы все смотрели на меня, а не на них. Не могу! Мне стыдно! Я хочу уехать из Дома, хочу жить в Москве, хочу, как все, снимать квартиру. Хочу быть обычной женщиной, а не ведьмой!

Некоторое время Амалия равнодушно смотрела на нее, но вдруг сжала руки в кулаки, воздела их к потолку и издала нечто среднее между стоном и рычанием – звук был такой силы, что хрусталь на люстре будто бы лопнул – бесчисленные висюльки разлетелись на миллионы частей, в тонкую пыль.

Потом она села, налила в бокал для шампанского коньяк, залпом опустошила его и спокойно произнесла:

– Идиотка.

Анна нервно закашлялась.

– Ты не хочешь сделать пластическую операцию? – спросила Амалия.

Обескураженная Настя покачала головой.

– Странно, – ехидно заметила Амалия. – А то мне кажется, что ты намного красивее других, у тебя есть преимущество перед остальными, не столь симпатичными претендентами на «Оскар».

– Бабушка! – отмахнулась Настя.

По комнате пробежал ветерок. Хлопнули окна, остатки люстры закачались, а волосы Амалии, казалось, зашевелились на голове. Света в комнате не было, но глаза у бабушки сверкали, а сама она, казалось, излучала какое-то синеватое свечение, от которого в гостиной сделалось холодно.

– Ты моя внучка, и я люблю тебя, – сказала она громко и отчетливо. – Но я не буду тебя уговаривать. Это ты должна была просить научить тебя всему, что я знаю. Живи так, как тебе хочется, но не отрекайся от нас, пока у тебя есть время подумать. И, пожалуй, единственное, о чем я тебя попрошу, – надень все же медальон. Это ни к чему не обязывает, просто я буду уверена, что с тобой все в порядке. Ладно, ты выпала из обоймы, но у нас пока есть Саша – будет кому передать опыт.

– Э-э… – промямлила Саша, которая все это время завидовала мужественной сестре. – Дело в том… э-э… что я тоже хочу жить без всего этого…

– Что?! – заорала Аглая. – И ты? Дура! Ой, какая же ты дура! Бестолочь!

– Тихо! – прикрикнула на дочь Амалия. – Ты же знаешь: мы никого не заставляем. – Затем она повернулась к внучке: – Ладно, дорогая. Но… у тебя-то какая причина?

Саша затравленно оглянулась по сторонам.

– Я хочу влюбиться, – испуганно ответила она, но глаза у нее стали томными. – Хочу найти моего единственного.

Глава 6

В Москву!

– Смотри, куда едешь! – закричала Настя и чуть не набросилась с кулаками на Сашу, которая в очередной раз затормозила так, что машина чуть не перевернулась.

С заднего сиденья вперед полетели туфли, майки, сумки и колготки. Когда девушки уезжали из Дома, сиденье в «Крайслере» пришлось откинуть назад: пространство за водителем и пассажиром превратилось в багажник, под завязку набитый спрессованными и скомканными вещами.

– Черт! – воскликнула Саша. – Я, кажется, забыла сумку от «Прада»!

– Зря мы набрали столько барахла, – пробурчала Настя, уставившись на бардачок. На дорогу, которая со скоростью сто шестьдесят километров в час летела под колеса, она смотреть избегала. – Я все равно завтра же куплю новые тряпки: розовые, голубые и белые!

– А я нет! – заявила Саша. – Я передумала насчет черного: хочу выглядеть как стерва!

– И для этого надо было уезжать из Дома? – удивилась Настя.

– Обязательно! – кивнула Саша. – Одно дело, когда тебе что-то навязывают, и совсем другое, когда у тебя есть выбор.

– И как же ты найдешь своего единственного, если будешь похожа на стерву? – хмыкнула Саша.

– Буду искать такого, которому это понравится… Кретин! – заорала она в адрес водителя «Газели», который притормозил прямо перед ней.

Дернув руль влево, Саша прорвалась в крайний ряд, бессовестно подрезав «Фольксваген».

– Саш, а что ты будешь делать с моим телом? – спросила Настя.

– В каком смысле? – поразилась Саша.

– В таком, что меня сейчас удар хватит! – воскликнула сестра. – Я умру от страха! Не могу ехать на такой скорости! Ты куда-то опаздываешь? И вообще, куда мы едем?

Разговор, начатый Настей во время праздничного застолья, закончился неожиданно. Внимательно, а главное, спокойно выслушав Сашу и Настю, Амалия некоторое время размышляла. Заметно было, что она борется с собой. В то мгновение, когда ее лицо просветлело, девушки вздохнули с облегчением, но Амалия открыла рот и гаркнула:

– Вон из моего дома!

Аглая и Анна бросились к ней, умоляя не принимать решения прямо сейчас, но с Амалией происходило нечто особенное: девушки первый раз в жизни поняли, что их бабка и правда ведьма. Ее лицо почернело, лоб изрезали глубокие морщины, пальцы на руках, казалось, вытянулись и скрючились, а ногти заострились. Глаза пожелтели, а зрачки стали узкими, как у кошки.

Аглая с Анной быстро выставили дочерей из комнаты, предупредив, что будет только хуже, а те с невероятной скоростью растолкали по сумкам первые попавшиеся под руку вещи, бросили багаж в машину и поспешно уехали. Саша, севшая за руль, так гнала, что Настя была уже уверена – еще один такой финт сестра выкинет на дороге, и она поседеет.

– Прости, Насть, – виновато произнесла Саша, немного снижая скорость. – Но мне кажется, что, чем быстрее мы удаляемся от Амалии, тем лучше.

– Ты видела ее когда-нибудь такой?

– Помнишь, когда мне было восемь, нянька прочитала мне «Ганса и Гретель», и я сказала бабушке, что все ведьмы – плохие и их надо жечь в печке?

– Смутно. – Настя пожала плечами.

– В общем, зрачки у нее стали такие же, но не было этих ногтей, и рук, и всего такого… Как ты думаешь, она так на самом деле выглядит?

– Да кто ж ее знает… – Настя покачала головой. – Я в этом ничего не понимаю. А куда мы все-таки едем?

– Вперед, – ответила Саша.

– Это все, что ты можешь предложить?

– Могу предложить немедленно уехать из страны.

Настя задумалась. Минут через пять ее осенило: она бросилась назад, нырнула в вещи и после непродолжительной возни в ворохе одежды выволокла брюки, замотавшиеся вокруг халата, в котором запуталась сумка. Кое-как расцепив этот ком, Настя вывернула карманы брюк и торжественно помахала найденной визиткой.

– Что это такое? – Саша бросила жадный взгляд на визитку.

Вместо ответа Настя достала мобильный, набрала номер, подождала немного, кусая губы, после чего сжала руку в кулак, подняла его вверх, а потом резко опустила – типичный американский жест для выражения радости от победы. И одновременно заговорила в трубку:

– Вика, извини, это Анастасия Лемм. Не разбудила? Нет? Отлично! Слушай, как дела? Ага… Ага! Ага… Вот это да! Все? Круто!..

Приблизительно таким образом она общалась с собеседницей чуть ли не полчаса. Во всяком случае, Саша успела доехать до Пушкинской и припарковать

машину. Наконец Настя перешла в своем разговоре к сути:

– Слушай, у нас тут кое-какие проблемы… Ну, семейные… В общем, нам с сестрой надо где-то пожить. И у нас для тебя подарок. Да. Где? Когда? Супер. Все, до встречи.

Она повернулась к Саше, которая умирала от нетерпения.

– Вика прижала-таки своего Евгения Дмитриевича – он оставил ей две квартиры, три машины и супермаркет. Так что она теперь богатая одинокая женщина и готова сдать нам за символическую плату шикарную квартиру на Тверской!

– Офигеть! – восхитилась Саша. – Ты молодец!

Через полчала подъехала Вика. Она отвела девушек в восьмиэтажный старый дом напротив Центрального телеграфа и показала красивые апартаменты. В квартире были гостиная, спальня и еще одна комната с большой кроватью, гардеробом и письменным столом.

– В ванной теплый пол, на кухне тоже, консьерж никого не пускает без звонка. Обычно я сдаю ее за две с половиной, но для вас – тысяча, – тараторила Вика.

– Это тебе, – как-то странно глядя на Вику, сказала Настя, протягивая ей флакон, похожий на бутылку от рижского бальзама. – Три порции по крышечке в любой напиток – и мужчина твой с потрохами, пока ты не скажешь: «Ты мне больше не нужен».

– Что, правда? – У Вики загорелись глаза.

– Правда. Только в водку и в воду лучше не добавляй – у прозрачных напитков появляется ржавый оттенок. И еще: не спеши посылать мужика подальше – следи за речью.

– Слушайте, девочки, – засуетилась Вика, – первый месяц бесплатно…

– Слушай, за тысячу мы и так будем жить почти бесплатно, – отказалась Настя. – Это подарок. Будь счастлива.

Бормоча благодарности, Вика поспешно убежала.

– Откуда у тебя снадобье? – не без зависти поинтересовалась Саша.

– Мама всучила. Но дело не в этом. – Она внимательно посмотрела на сестру.

– А в чем? – растерялась Саша.

– Неужели тебе никто не говорил, что от ведьмы нельзя принимать подарки? – усмехнулась Настя. – Иначе ты никогда не можешь сделать ничего, что могло бы ей навредить.

– Да ну?! – восхитилась Саша. – Кстати, не думала, что ты будешь использовать свои возможности в жизни. Ты же хотела от всего отказаться.

– Но ты ведь передумала насчет черного цвета, – заявила Настя. – У меня тоже есть свои слабости. К тому же это ты хочешь найти единственного, а я всего лишь собираюсь стать настоящей актрисой, а не ведьмой, которой приспичило заполучить славу.

– Ну-ну… – буркнула Саша.

– Отметим? – спросила Настя.

– Давай! – обрадовалась Саша.

Порылись в куче тряпья, выудили туфельки от Кристиана Лабутена и с тоской уставились на высоченную шпильку.

– Завтра же куплю кроссовки и туфли без каблука! – пообещала Саша.

– Кстати, а у нас есть деньги? – обеспокоилась Настя.

– Ну, мой папаша завещал единственной дочери, то есть мне, кучу денег, – успокоила ее Саша. – Они только мои – наша семейка не имеет к ним никакого отношения.

– Гениально! – одобрила Настя. – Хорошо, что твой папа был известный художник.

– Иначе бы Глаша с ним не общалась! – расхохоталась Саша.

Спустя пятнадцать минут они сидели в мексиканском ресторане и пили текилу.

– Я вообще считаю, что все это семейное проклятие – чушь! – немного заплетающимся языком продолжала разговор на «больную» тему Саша. – Известно ведь: проклятие имеет силу, когда в него веришь. А если я не верю, то оно и не сработает!

– А почему это ты не веришь? – Настя слегка окосела от четвертой порции текилы, но держалась бодро.

– Ну, понимаешь, все наши родственницы боялись любви. А у страха глаза ве-ли-ки! Чего боятся люди, у которых авиафобия? В большей степени они боятся страха, от которого могут упасть в обморок, а не, собственно, катастрофы, которая может произойти, а может и не произойти. Но они не летают на самолетах, поэтому и не узнают – случится с ними что-то или нет. Так и наша бабка, которая замужем за автомехаником, – она просто поверила, что у нее теперь нет силы, и даже не пытается ее использовать!

– В общих чертах я твою мысль уловила, – кивнула Настя. – То есть ты думаешь, что ты вот такая крутая, разрушишь семейное проклятие и будешь счастливой ведьмой с мужем и детьми?

– Да!

– По-моему, это бред!

– А быть заурядной актрисой, выйти замуж за бизнесмена и сниматься в дурацких сериалах – не бред?

– Откуда ты знаешь, заурядная я актриса или нет? – обиделась Настя.

– Без нашего Дара мы все заурядные! – выдала Саша. – Амалия права! Разница в том, что я готова стать заурядной, а ты – нет.

– Только что ты собиралась перевернуть весь уклад нашей семьи! – поддела ее Настя.

– Я и правда не верю в проклятия – это раз, а во-вторых, я готова проиграть. Главное, найти богатого мужа, который подарит мне сказочную жизнь. Вот и вся магия.

– Как Евгений Дмитриевич? – усмехнулась Настя.

– Как Павел Буре! – хихикнула Саша. – Молодой человек! Еще текилы!

– А, по-моему, ты все-таки боишься потерять силу, – заявила Настя. – А значит, веришь в проклятие. Так что, дорогая, когда я буду играть Морковку или Снегурочку, приходи посмотреть вместе с мужем… если, конечно, сумеешь оттащить его от гаража.

* * *

Амалия немного пришла в себя – только ногти до сих пор были острыми и длинными, а глаза – желтыми, а не карими.

– Паршивки… – бормотала она.

– Мама, успокойся, – говорила Глаша, подсовывая Амалии напиток на основе валерьянки.

– Убери эту мерзость! – вознегодовала Амалия. – Аня, принеси бренди! И три бокала!

Анна пулей сгоняла за вишневым бренди, разлила его по стаканам с толстым днищем и раздала родственницам.

– Какие глупые девки! – возмущалась Амалия, прихлебывая напиток. – Это надо же!

– Ну, может, все еще образуется… – попыталась утешить ее Анна.

– Конечно! Все должно – просто обязательно! – образоваться. Ты разве не понимаешь, что мы можем лишиться последних представительниц из рода Лемм? Ведь, если они лет через десять приползут к нам зализывать нанесенные жизнью раны, они к тому времени потеряют веру в себя. А без веры какое колдовство – все коту под хвост! Лучшее, на что они смогут рассчитывать, – снимать сглаз и возвращать неверных мужей. О-о-о! Все насмарку! Я знала, знала, что скоро проклятие обернется против нас… И вот, полюбуйтесь!

– Мама, ну они ведь все равно твои внучки и наши дочки, – урезонивала ее Глаша. – Зря ты их выгнала.

– Я передумаю, – кивнула Амалия. – Но не сейчас. Да они пока и сами не захотят вернуться. Поверь, дорогая, надо немного подождать. Так будет лучше.

Анна с Аглаей переглянулись – в их взглядах было неодобрение, желание пообщаться наедине и намек на то, что Амалия перегибает палку.

– Ладно, идите, – велела та. – Мне надо подумать.

Глаша и Анна вышли в сад и сели в шезлонги, благо вечер был теплый.

– Думаю, мы должны им помешать, – без предисловий начала Анна.

– Здравая мысль, – согласилась Аглая. – Хотя есть в ней какая-то каверза, не пойму какая…

– Только Амалии не надо ничего говорить, – предупредила Анна.

– Говорить, понятное дело, мы ничего не будем, – кивнула Аглая. – Только она все равно пронюхает.

– Ты уверена? – заволновалась Анна.

– Совершенно уверена, – подтвердила Глаша. – Но не бойся – вмешиваться Амалия не будет.

– Слушай… – Анна запнулась и робко посмотрела на Глашу. – А ты хочешь, чтобы твоя дочь стала ведьмой?

– Я понимаю, о чем ты, – усмехнулась Глаша. – Ты всегда была немного иной, чем все мы. Как и твоя мать. Хочу ли я, чтобы Саша стала ведьмой? Очень. Но я понимаю, что не каждая может с этим справиться. Работать как лошадь, не иметь крепкого мужского плеча, на которое можно опереться, управлять людьми… Все это нелегко, но мне это действительно нравится. Я счастлива.

– Неужели ты никогда не хотела влюбиться? – тихо поинтересовалась Анна.

– А я влюблялась! – рассмеялась Аглая. – Еще как! Только вот ни одного мужчину не хотела назвать единственным. Не из-за проклятия – просто мне никогда не хотелось разделить свою жизнь с кем-то еще. Люди боятся жизни, а ведьмы – нет, в этом и разница. Люди даже смерти боятся, хотя живут много лет, а умирают за мгновение. Нет, мне нравится быть ведьмой!

– А я сомневаюсь, – покачала головой Анна.

– Сомнения – бич человечества, – мрачно произнесла Аглая. – И только мы помогаем людям с ними справляться.

– И бог, – добавила Анна.

– Он далеко, а мы – рядом. И в этом его преимущество, – улыбнулась Аглая.

– Не поняла, – нахмурилась Анна. – Почему преимущество?

– Вырастешь – поймешь, – съязвила сестра. – Ладно, идем спать.

– Почему преимущество? – повторила Анна, когда они поднялись на второй этаж.

– Потому что издали лучше видно перспективу, – сообщила Аглая и хлопнула дверью.

* * *

– Как ты думаешь, что там наши делают? – поинтересовалась Саша, сидя на балконе, который выходил на Тверскую.

– Что, уже соскучилась? – усмехнулась Настя из комнаты.

– Они от нас отстанут? – спросила Саша.

– Черт их знает… Амалия вроде серьезно рассердилась. Вычеркнет нас из завещания, наверное!

– А наши с тобой мамы?

– Я не читаю мысли на расстоянии. Вообще-то, это у тебя мать ясновидящая, тебе лучше знать.

– Думаю, мамаши нас в покое не оставят. – С дымящейся сигаретой в руке Саша вернулась в комнату.

– Мне наплевать! – отрезала Настя. – Я люблю свою маму, но решения не изменю.

– Ты забываешь, что они ведьмы, – напомнила Саша.

– Мы тоже! – буркнула Настя и погрузилась в журнал мод, из которого выписывала адреса магазинов.

Глава 7

Жизнь в розовом цвете

– Вы кто? – набросилась Саша на незнакомую женщину, которая по-хозяйски зашла в квартиру.

– Саш, алле, это я, твоя сестра Настя! – Женщина сняла солнечные очки и распахнула объятия.

– Какой ужас… – пробормотала ошарашенная Саша.

На яркой блондинке были надеты бледно-розовое пальто, белая блузка, заправленная в пышную юбку из серебристого шелка, и ярко-розовые сапоги с вышивкой. Она втащила в коридор кучу бумажных пакетов и прямо в коридоре принялась вытаскивать из них разноцветные вещи.

– Вот, смотри, никакая не Шанель, а как здорово! – восхищалась она.

Саша с недоверием разглядывала вещи, но в конце концов была вынуждена признать, что они отлично сделаны – даже несмотря на то, что не черного цвета.

– Черт! – Она села на банкетку. – Никак не могу привыкнуть к тому, что ты блондинка.

– Понимаешь, мне, как актрисе, это поможет. – Настя устроилась рядом и закурила.

– Ты, случайно, не собираешься к тому же накачаться силиконом и превратиться в Памелу Андерсон? – насторожилась Саша.

– Да о чем ты?! – вспылила Настя. – Саш, пойми, у меня слишком благородные черты лица! Настолько благородные, что я гожусь только на роли всяких там Сонечек из «Войны и мира» – смиренных героинь второго плана!

– Извини меня, наивную девушку. – Саша приложила руку к груди. – Я думала, успех зависит от таланта, а не от внешности… О боже, как я заблуждалась!

– И от внешности тоже, – возразила Настя и потащила пакеты в свою комнату.

Саша еще некоторое время оставалась в задумчивости в коридоре, после чего пошла к себе и разобрала гардероб. Отложила кожаный пиджак с короткими рукавами, шелковую майку с блестками и капюшоном, юбку выше колен с рюшами и замшевые сапоги. Взяла мобильный, вызвала абонента и лениво произнесла в трубку:

– Марат, привет. Не хочешь сегодня уйти в загул?

Марат согласился. Саша выслушала все предложения, выбрала одну частную вечеринку, договорилась приехать к Марату к восьми и взялась за выщипывание бровей.

– Я ухожу! – крикнула Настя из коридора.

Она вышла на улицу, нацепила большие дымчатые очки и внимательно пригляделась к тому, как прохожие реагируют на ее новый образ. Все было отлично: мужчины выныривали из тяжких дум и провожали ее глазами, женщины с головы до ног осматривали прическу, одежду, сумочку, туфли… Настя немного прошлась по Тверской – для закрепления эффекта – и только потом поймала такси, чтобы отправиться на Маросейку.

Молодой интеллигентный режиссер ждал ее в узбекском ресторане. Месяц назад Настя прошла кастинг, но режиссер сомневался – у него были еще две кандидатки на роль героини сериала о молодой девушке, у которой сначала ничего не получается, а потом получается все. Вообще-то, сюжет был довольно банальный, но сценарий написала известная писательница, на фильм выделили большую сумму денег, а режиссер был из известной кинематографической семьи… Это был заранее успешный проект, а для молодой актрисы со скромным опытом работы в театре – золотой шанс стать знаменитой и востребованной.

В режиссера Гайсинского можно было смотреться как в зеркало – такой он был лощеный и холеный. Ощущались долгие годы самоотверженного ухода за собой: отличная кожа, маникюр, первоклассная стрижка, стильные вещи, купленные не только в дорогих магазинах, но и на знаменитых лондонских рынках… В Гайсинском сразу угадывалось происхождение – непринужденные манеры, взгляд не только успешного, но и глубоко образованного человека, привычка ко всему лучшему, включая и общество, с детства…

Насте он нравился – она любила людей с историей, с корнями.

– О… – приветствовал ее режиссер, – вы покрасили волосы…

– Что, так заметно? – Настя сделала круглые глаза.

– Э-э-э… – не сразу понял он, что девушка шутит. – Ну, да, заметно. В том смысле, что я по-другому видел Лизу. Понимаете…

– Я прекрасно понимаю, что вы хотите сказать, – перебила его Настя. – Вначале Лиза такая забитая, серая, никакая, но очень, конечно, умная и добрая. И только потом она расцветает и все такое. Но неужели вы не задумывались, что современная девушка из Санкт-Петербурга, которая приехала в Москву работать в глянцевом журнале, просто не может выглядеть как старый валенок? Вам не кажется, что проблема вовсе не в том, что миру нужны красивые и яркие, а хорошие, но невзрачные никому не интересны? Дело в том, что симпатичным и энергичным гораздо тяжелее жить, чем тихим дурнушкам, – слишком много мужчин дурят им мозги! И красивой девушке, когда ей за предоставление выгодной работы предлагают расплатиться постелью, бывает точно так же обидно, как той малопривлекательной, которой отказывают в работе, так как не хотят с ней спать. А? Как вам такой поворот? – почти выкрикнула Настя, которая сейчас была готова убить любого, кто дурно отзовется о ее новой прическе. Можно сказать – о ее новой жизни.

Режиссер некоторое время молчал, а потом погрозил Насте пальцем и произнес задумчиво:

– Хм… Все это очень интересно… Я… Но давайте сделаем заказ.

Ближе к десерту режиссер отложил вилку и заявил:

– Я вас беру!

Настя вилку выронила.

– Берете?

– Да. Когда вы можете подписать контракт?

– Да хоть сейчас! – обрадовалась Настя.

– Лучше в среду, – попросил режиссер.

– Отлично!

Они еще некоторое время обсуждали сценарий, позже режиссер отвез ее домой, и разомлевшая Настя почти даже не рассердилась, когда обнаружила страшный бардак в ванной и груду косметики на столе в гостиной.

Зазвонил мобильный.

– Да, мама! – ответила Настя. – Представляешь, меня берут в сериал по сценарию Устиновой. Режиссер Гайсинский!

– О! Как я за тебя рада, дорогая! – Казалось, Анна обрадовалась вполне искренне. – Моя дочь будет популярной актрисой! Чудесно!

– На этот раз обошлось без чудес, – уточнила Настя.

– Ну, да, ну, да, – согласилась Анна. – Ладно, милая, надеюсь, вы с Сашей хорошо устроились. Пошли мне адрес – я заеду, когда буду в городе.

Повесив трубку, Анна мрачно посмотрела на Аглаю.

– Гайсинский… – пробормотала Аглая. – Вуду?

Анна пожала плечами:

– Пусть будет вуду.

* * *

– Что ты там делаешь? – Саша колотила в дверь ванной.

– Подожди, у меня тут «Плейбой» с голой Джоли! – кричал Марат из ванной.

– Марат, ты же педик! – Саша перекрикивала шум воды.

– С помощью Джоли я становлюсь ближе к Бреду! – орал Марат.

– Ты извращенец!

– Я всегда тебе говорил!

Еще через полчаса Марат вышел из ванной и закопался в шкафу.

– Ну? – в очередной раз спросил он.

– Все! – воскликнула Саша, взглянув на часы. – Приятно было провести время под дверью твоей ванной, но, увы, уже скоро рассвет, так что я, пожалуй, пойду спать.

– Ну, Шура, ну, не сердись… – заныл Марат. – Я уже почти одет!

– Почти?! – взвилась Саша. – Что тебе еще надо сделать? Подобрать трусы под цвет ботинок? Или они должны сочетаться с цветом глаз?

Марат закатил глаза и быстренько выбрал фиалковый джемпер с короткими рукавами и брюки в узкую полоску.

– Из-за тебя я буду выглядеть как гой!

– Какая разница? Ты же на самом деле не еврей!

Наконец они вышли из дома, и Марат уверенно направился к темно-синему «Мерседесу»-такси.

– Мы что, поедем на такси?! – возмутилась Саша.

– Конечно, – Марат был невозмутим. – Мы же собираемся напиться.

– Странно, что ты не заказал самолет, – бурчала Саша, когда они устраивались на заднем сиденье.

– Деревенщина! – фыркнул Марат. – Ты меня, кстати, познакомишь со своей бабушкой? Я тоже хочу выглядеть на двадцать!

– Кто тебе растрепал? – опешила Саша.

– Кто надо! – торжествовал Марат. – Признавайся, твоя бабка – ведьма?

– Ведьма, – кивнула Саша.

– Что она сделала с Ларисой! – восхищался Марат. – Это шедевр!

Саша же отвернулась к окну и повторяла про себя: «Заткнись! Заткнись! Заткнись!» – пока Марат наконец не сменил тему на не менее острую и не завел о повальной моде на черный цвет в нынешнем сезоне.

Минут через сорок они подъехали к высокому забору с видеокамерами по периметру.

– Тусовочный миллиардер, – пояснил Марат.

Они вышли из машины, вошли в распахнувшиеся ворота и увидели огромный современный дом из стекла и бетона. Вокруг дома был разбит ухоженный сад, справа виднелся просторный бассейн, а за особняком находился теннисный корт.

– Не слабо, – кивнула Саша.

– А ты думала! – хвастливо заявил Марат, словно это был его собственный дом.

Они прошли к бассейну, у которого толпилось человек двести – все те, кто хоть что-то собой представлял в городе. Модели, режиссеры, певцы, продюсеры,

художники, актеры, спортсмены, бизнесмены, писатели…

– Ух, ты! – восхитилась Саша.

– Посмотри! – зашипел ей в ухо Марат и, не справившись с нахлынувшими чувствами, больно ущипнул спутницу за локоть.

Саша повернулась туда, куда он указывал, и заметила высокого накачанного мужчину – известного телеведущего.

– Да он не такой… – усмехнулась она.

– Еще какой такой! – воскликнул Марат. – Ну, дорогуша, прости, я пошел на абордаж…

И он ускользнул. Саша осмотрелась по сторонам, нашла стол с закусками и взяла стакан с коктейлем.

– Отличные сапоги! – произнес мужской голос, пока она прикладывалась к махито.

Саша обернулась и пристрастно оглядела высокого загорелого мужчину с мускулистым торсом. Он надел майку на стильную полосатую рубашку, тертые джинсы были обрезаны, на ногах – дорогие кеды из крокодиловой кожи.

Но главное, он был невыносимо сексуален! Скуластое лицо с широкой челюстью, прямой нос, голубые глаза с длинными, как у девочки, черными ресницами…

– Рада, что они вам понравились, – улыбнулась она. – Анна Молинари, коллекция 2002 года, куплены в «Харродсе».

– Э-э-э… Я всего лишь имел в виду, что они здорово тебе идут, – растерялся тот.

– Ну а тебе отлично идут кеды из крокодила. И все остальное тоже.

– Как тебя зовут? – спросил он и подошел так близко, что это было почти неприлично.

Едва сдержавшись, чтобы не прислониться к нему, не положить руку ему на талию и не прикоснуться губами к его лицу, Саша выдохнула и ответила:

– Александра.

– А я Игорь. Пойдем, Александра, покажу тебе розарий.

– Это же не твой дом? – Саша сделала вид, что испугалась.

– Нет. Это дом моего друга. Тебе здесь не нравится?

Саша пожала плечами:

– Неплохо. Но лично я не люблю, если дом похож на станцию метро.

Он взял ее под локоть и увел в сад, где среди восхитительных разноцветных роз стояли удобные скамейки с подушками.

– Однажды Миша – это хозяин – влюбился, срезал все розы и подарил девушке, – сообщил Игорь, усаживаясь на скамейке. – Получилось около тысячи штук.

– Ничего себе! – удивилась Лиза. – И что девушка?

– Через месяц изменила ему с его же шофером, – усмехнулся Игорь.

– Правда? – ужаснулась Саша.

– Нет! – рассмеялся Игорь. – Выяснилось, что она спит с тренером по фитнесу. Это уже правда.

– А ты чем занимаешься? – поинтересовалась Саша.

– Я бизнесмен, – расплывчато сообщил он.

– То есть на работу ты ходишь в костюме и галстуке? – Саша демонстративно осмотрела его с ног до головы.

– Мне невероятно идут костюм и галстук, – усмехнулся Игорь. – По крайней мере, так считают моя секретарша, бухгалтерша и весь отдел кадров.

– Везет им, – заметила Саша.

– Но в костюме я хожу редко, – продолжал Игорь. – У меня своя киностудия.

И тут Саша начала что-то смутно вспоминать: светская хроника, программы «Синемания», «Большое кино»…

– Маска, я тебя знаю! – объявила она. – Игорь Плотник?

– Он, – кивнул Игорь.

Неожиданно они замолчали, и в этом молчании сверкали вспышки и метались электрические заряды. Саше казалось – стоит ей прикоснуться к Игорю, ее ударит током, и она не могла решиться, пока, словно намагниченные, они не притянулись друг к другу.

Он был идеальный: его губы были сухие и горячие, они целовали ее уверенно и нежно, его руки обнимали ее за талию и гладили бедра – именно так, как надо: не быстро и нервно, не сжимали до синяков, а тяжело и крепко прикасались к ее телу. Саша одной рукой залезла под майку с рубашкой и обнаружила твердые мускулы, каменный живот и гладкую-гладкую, шелковую кожу, а другой обнимала его за шею, от которой пахло чем-то свежим и горьким. Когда она обвила его бедра ногой, он отстранился, посмотрел на нее с улыбкой и спросил:

– Мы с ума сошли?

Саша кивнула:

– Да нет, я всегда сплю с мужчинами, не успев толком познакомиться. Это, знаешь ли, мое хобби.

– Ну, так далеко мы не зашли, – хмыкнул он. – Послушай, давай пойдем еще выпьем и подумаем, созданы ли мы друг для друга.

– Надеюсь, где-нибудь здесь не бродит твоя девушка? – насторожилась Саша.

– У меня нет девушки. – Он встал и протянул Саше руку. – И жены тоже. Просто здесь не самое подходящее место для… гм… создания семьи.

– Хорошо, – согласилась Саша, и они в обнимку пошли к людям.

Весь вечер Саша чувствовала себя очень и очень странно: стоило ей прикоснуться к Игорю, как в прямом смысле у нее начинала кружиться голова и подкашивались ноги. Она могла целый час просто смотреть на него, не говоря ни слова, и даже не замечала, как общалась, острила, говорила с другим людьми – все время думая о нем. То, что она сейчас ощущала, не было обыкновенным сексуальным желанием – Саша чувствовала себя выше этого. Она вообще ощущала себя выше всех, а заодно выше собственной головы и, разумеется, выше предрассудков и глупого ломания.

– Ты далеко живешь? – на ухо спросила Саша Игоря.

– В соседнем доме, – тихо ответил Игорь.

– Пойдем к тебе?

Он кивнул и повел ее в особняк через дорогу. Завидев в гостиной первый же диван, Саша поволокла на него Игоря. Они упали на широкую тахту и принялись стаскивать друг с друга одежду. Только прижавшись к нему обнаженным телом, Саша почувствовала некоторое облегчение: она даже не стала его разглядывать – и так знала, что он совершенство. Они так страстно целовались, что он как-то совсем незаметно оказался внутри ее, но только Саша это почувствовала, как поняла, что большего уже может не быть – вот оно, физическое блаженство! Ему не надо было быть опытным, страстным, внимательным, нежным – то, что он просто был, заполнял ее, казалось высшим, неземным счастьем. Такие чувства она ни разу не испытывала – ни с одним мужчиной ее тело не было таким открытым, ни с кем она не забывала обо всем настолько, чтобы ни одна посторонняя мысль не прокралась в голову. Саша даже не могла подумать: «Ах, как хорошо!» – она могла только чувствовать это.

Они не могли остановиться несколько часов: не останавливаясь, не передыхая, занимались сексом снова и снова – и все казалось мало. Наконец, когда в очередной раз все закончилось, у Саши предательски затряслись поджилки с внутренней стороны бедра. Игорь расхохотался и отполз в сторону.

– Может, сходим в душ? – предложил он.

– Не уверена, что могу встать, – еле выговорила Саша.

Но он только рассмеялся и потащил ее за собой – в огромную современную душевую кабину, где Саша забыла, что заниматься сексом в ванной – несусветная глупость, так как всегда неудобно и скользко. Оказалось, настолько удобно, что они проделали все два раза, а то, что сверху на них падала теплая вода, было особенно приятно. Саша даже не вспоминала, что всегда считала вот такой секс под душем пошлостью и фантазиями кинорежиссеров, – ей было просто здорово.

– Слушай, ты, сексуальный маньяк, – вяло произнесла Саша, когда они все-таки помылись и завернулись в халаты. – Откуда я могу позвонить в 911 и сказать, что меня уделали до смерти?

– У меня целых пять адвокатов, – предупредил Игорь. – Ты еще и виноватой окажешься.

– Сестру надо предупредить, что я сегодня не ночую, – пояснила Саша.

Игорь принес трубку, Саша разбудила Настю, все ей объяснила, за что получила дозу упреков и подробный рассказ о том, как Гайсинский предложил Насте роль.

– Вот видишь, без всякой магии можно быть особенной, – торжественно объявила Настя.

– Согласна! – подтвердила счастливая Саша и повесила трубку.

– Саша, – серьезно обратился к ней Игорь.

– Да, дорогой, твоя сексуальная рабыня к твоим услугам, – Саша устроилась у него в ногах.

– А ты не хочешь пожить у меня?

– То есть?

– Знаешь… – Он задумался. – Мне кажется, нам пока не стоит расставаться.

– Ой! Это… В общем… – растерялась Саша. – В том смысле, что я согласна.

Игорь просиял, затащил Сашу к себе в кресло и поцеловал в ключицу.

– Только не секс! – взмолилась Саша. – Пожалуйста, давай не будем заниматься сексом в ближайшие… десять минут.

– Как скажешь. – Игорь пожал плечами. – Может, я тогда успею вызвать девочку?

– Только чтобы я ничего не знала, – ответила Саша, прижимаясь к нему, так как представить, что можно находиться поблизости от такого сексапильного мужчины и не заниматься с ним любовью, было совершенно невозможно.

Глава 8

Магия против кино

– Когда любишь, жизнь становится такой полной, такой яркой! – Саша стояла в углу крошечного балкона, который выходил на Тверскую, и декламировала оды в честь своего нового возлюбленного.

– Саш, я рада за тебя, но не забывай, что любишь ты всего несколько часов, – заметила Настя. – И пока вас ничего не связывает, кроме отчаянного секса. Ты меня понимаешь?

– Да, я понимаю и ценю твое беспокойство! – возбужденно ответила Саша. – Но! Дай мне насладиться последствиями отчаянного секса, который не был бы таким отчаянным, если бы я думала, что это просто секс, без чувств, – секс с человеком, который нужен только для секса, а не для души.

– Есть разница? – оживилась Настя.

– Грандиозная! – воскликнула Саша и повернулась лицом к улице: – Я люблю вас, люди!

С шестого этажа было очень удобно обращаться к народу – достаточно высоко, тебя мало кто замечает, но все-таки не так далеко от земли – люди отсюда не казались муравьишками, можно было разглядеть лица.

– Ты, кстати, в курсе, что у нас шестой дом, шестой этаж и квартира шестьдесят? А ноль отвалился.

– Число зверя? – расхохоталась Саша. – Что-то должно случиться?

И тут зазвонил дверной звонок.

– Та-ак… – Настя поднялась со стула. – Почта? Вика? Соседи?

– Дьявол? – предположила Саша.

– Очень мы ему нужны… – Настя закатила глаза и пошла к двери. – Мама?! – воскликнула она, посмотрев в «глазок». – Черт!

– А-а!!! – заголосили в унисон Аглая и Анна, переступив порог квартиры. – Что за кошмар на тебе?!

– Мама, тетя, это всего лишь свитер! – увещевала их Настя, в то время как родственницы сбились в кучу и замерли в дверях.

– Детка, милая, но почему он розовый? И что это за жуткие цветочки? – Анна ткнула пальцем в вязаные розочки, пристроившиеся на горловине.

– Мама, Аня, вы заходите, свитер не кусается, и он не заразный, честное слово, – усмехнулась Саша.

– Ну, ладно… – нехотя согласились дамочки и, с опаской косясь на свитер, прошли в гостиную.

– А тут ничего… – сообщила Аглая, осмотрев комнату. – Вполне пристойные апартаменты.

– Как вы нас нашли? – удивилась Саша.

– По номеру телефона, – Аглая пожала плечами. – Настя звонила вчера вечером с домашнего, а мы посмотрели телефонную базу. Никаких чудес.

– А-а… – Девушки переглянулись.

– Вы же нам рады? – насторожились гостьи.

– Очень! – воскликнула Саша. – И будем еще больше рады, если вы не будете появляться здесь каждый день.

– Мило, – кивнула Анна.

– Я не то хотела сказать… – смутилась Саша.

– Понятно. – Аглая пожала плечами. – И как твои поиски единственного? Начались?

– Еще как! – восторжествовала Саша. – Я уже его нашла!

– Что?! – расхохоталась Анна.

– Детка, это что, сейчас можно купить в магазине? – опешила Аглая. – Прошло ведь всего двое суток…

– Мне везет! – ликовала Саша.

– Извините, мне надо в ванную. – Аглая выбралась из кресла.

– Я провожу, – вызвалась Настя. – Кто будет чай, кофе, сок, лимонад, вино, ром, шампанское?

В ванной Аглая тщательно заперла дверь, включила воду и оглянулась по сторонам. Обнаружив на раковине щетку для волос, размотала несколько темных прядей, аккуратно уложила в пакетик. Заметила на полу пластырь с еще красным пятном засохшей крови, подхватила и спрятала в бумажник. После чего помыла руки, спустила воду в туалете, освежила макияж и вернулась в комнату, где хозяйки уже накрыли завтрак.

– Поверьте, у нас все чудесно! – убеждала Саша. – Вы просто предубеждены! Быть человеком – здорово!

– А люди, вообще-то, считают, что быть ведьмой намного лучше! – взорвалась Аглая.

– Глаша… – Анна успокаивающе похлопала ее по плечу.

– Ну, уж нет! – рассвирепела Аглая. – Не могу это слушать! Мы умнее, талантливее, глубже людей! Мы владеем знаниями, о которых все твое человечество и понятия не имеет, мы…

– А самолеты? – усмехнулась Настя. – Или Интернет? Что ты можешь противопоставить техническому прогрессу? Люди не так глупы, как тебе кажется!

– Самолеты? – мрачно повторила Аглая.

Она раскинула руки параллельно земле, встала на мыски и взмыла в воздух.

– Потолок! – предупредила Анна.

– Ой, мама… – пробормотала Саша. – Ты умеешь летать? Но почему… мы…

Аглая спустилась на пол.

– Потому что, дорогая, вам было рано, – пояснила она. – Если бы вы вдруг начали летать над Истрой – а по незрелости вы вряд ли смогли бы удержаться, – нас бы не то что сожгли – нас бы разорвали на части. Ты еще многого не знаешь. И, что грустно, не хочешь узнать. Пока у вас есть только сила, но нет представления, как ею пользоваться. Но вы решили быть ближе к людям! Что, милочка, ты, я вижу, хотела бы полетать? – Она набросилась на Настю, которая смотрела на тетку во все глаза.

– Ма, а ты тоже так можешь? – обратилась Настя к Анне.

Анна хмыкнула, чуть напряглась и поднялась вверх вместе с креслом, в котором сидела.

– Дочка, любовь моя, передай мне «Рокфор», – попросила она и расхохоталась.

– Не жалеете? – поинтересовалась Аглая.

Саша посмотрела на Настю, Настя задрала голову и взглянула на Анну, но опомнилась и энергично замотала головой.

– Ладно. – Аглая развела руками.

Она заговорщицки подмигнула сестре и вежливо-вежливо поблагодарила хозяек за гостеприимство.

– Думаю, нам пора, – объявила Аглая. – Ань, спускайся.

А через пару минут, уже в лифте, она воскликнула:

– Ну, засранки! Мы им покажем, что такое настоящее колдовство! Никуда они не денутся!

– А может… – засомневалась Анна.

– Не может! – заорала Аглая. – Мы должны вернуть этих идиоток в семью! Род Леммов не прервется!

– Ты сейчас похожа на Амалию… – сообщила Анна и немного отодвинулась от разбушевавшейся сестры.

– Вот и прекрасно! – Аглая сверкнула узкими, как у змеи, зрачками.

Такое двоюродная сестра видела не первый раз в жизни.

* * *

– Я не читаю женские романы! – заявила высокая пепельная блондинка с роскошными зелеными глазами. – Не выношу все эти сантименты, розовые сопли…

Блондинка совершенно точно считала, что она – королева вечеринки. И не только вечеринки – королева жизни: самая остроумная, самая красивая, самая успешная.

Блондинка вела ток-шоу на телевидении, развлекательную музыкальную передачу, появлялась на самых известных вечеринках и постоянно украшала собой светскую хронику.

Ее звали Елена, и она действительно была хороша: над волосами поработал лучший в городе колорист, платье лично для нее шил Чапурин, туфельки она купила в бутике Майкла Корса, а украшения ее не оставляли сомнений – это был чистой воды Булгари.

Саше не было никакого дела до блондинки: она могла даже облить свои роскошные пепельные волосы водкой и поджечь, могла признаться в связях с Аль– Каидой или в том, что спит с президентом, – ничто не могло отвлечь Сашу от Игоря. Но, когда заговорили об успехе женщин-писательниц, Саша сказала, что ее тетка – Анна Смирнова, что и побудило Елену скорчить презрительную мину.

– Моя тетя пишет не женские, а просто романы. И в них больше секса, чем сантиментов, – заявила Саша.

– Зачем читать о сексе? – делано рассмеялась блондинка. – Лучше им заниматься! Никогда не читаю все эти глупые журнальные статьи и глупые женские романы! Я даже «Секс в большом городе» не видела.

– Моя тетя не пишет глупые романы, – с нажимом повторила Саша.

Она не совсем понимала, зачем ввязывается в нелепый спор с этой надутой стервой, но вдруг обуявшая ее гордость за семью, в которой, в отличие от Елены, никто никогда не делал ничего глупого и бездарного, не дала поразмыслить. Чувства захлестнули, и Сашу прорвало:

– Не помнишь, какая последняя тема была на твоей передаче? Интимные стрижки – миф или реальность? Так, кажется? Глубоко интеллектуальная задача, лучшие умы бились над ее решением! Конечно, я не смотрю такие пустые, никчемные программы, но, раз уж мы заговорили о женской глупости, позволь заметить, что к твоему цвету волос совершенно не идет лиловый бархат.

Все это Саша произнесла спокойно, с дружелюбной улыбкой на устах.

Елена, открыв рот, посмотрела на нее, а остальные гости захихикали в кулак.

– Игорь… – промямлила наконец Елена. И не закончила начатую фразу.

Саша уставилась на блондинку во все глаза, и Елена почувствовала, что забывает слова. Забывает потому, что на нее накатывает мигрень – страшная, до тошноты (которая пройдет, едва Елена переступит порог своей квартиры). Кое-как попрощавшись, Елена ушла, и стоило ей скрыться из поля видимости, как весь стол разразился аплодисментами.

Саша хохотала вместе со всеми, выслушивая истории о том, какая Елена стерва и дура, и не заметила, что из ее сумочки выпал толстый черный жучок, пробрался на кухню, вылетел через окно и помчался в сторону Волоколамского шоссе.

* * *

– Хорошо, что он известный человек, – говорила Анна, вырезая из журнала фотографию Сергея Гайсинского.

– Дай сюда свечи! – потребовала Аглая.

Свечи должны были быть из настоящего пчелиного воска – это усиливало магию. А еще, по-хорошему, следовало вылепить похожее на объект лицо и сделать некое подобие внутренних органов.

Фигурка получалась довольно большая – сантиметров пятьдесят. Аглая постаралась – даже приделала восковому Сергею член и мошонку.

– Сделать побольше или поменьше? – хихикнула она.

– Не отвлекайся! – прикрикнула на двоюродную сестру Анна.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/holina_arina/magiya-na-kazhdyy-den

надано
Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити